

ББК
папка 7
к11

(Два рече)

3

М. Ратовъ

ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

(МЫСЛИ И ФАКТЫ)

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ДЖАНШЕВА)

Цена 30 коп.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ ДОМЪ, МАМОНТОВА
1899

10912 Русск. кн.

Б. М. Т. 8. 17

nd

М. Ратовъ

ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

(МЫСЛИ И ФАКТЫ)

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ДЖАНШЕВА)

3604 / Б. М.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ ДОМЪ, МАМОНТОВА

1899

10912
РУССК. КН.

М. В. Антонов

ЖЕНЩИНА

ИЗДАНИЕ СЪДЪМЪ И ПЕРВАЯ ПЕРИОДИКА

Дозволено цензурою. Москва, 2 ноября 1898 года.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Часть I.

Кому изъ читающихъ газеты не приходилось то и дѣло встрѣчать корреспонденцій, приходящихъ то изъ столичныхъ, то изъ провинціальныхъ городовъ, то изъ самыхъ отдаленныхъ деревенскихъ угловъ, о варварскихъ истязаніяхъ и звѣрскихъ убійствахъ мужьями женъ. Съ наступленіемъ какихъ-нибудь продолжительныхъ праздниковъ, дающихъ просторъ разгулу и пьянству, число такихъ корреспонденцій увеличивается. Приведемъ въ видѣ образчика одно изъ такихъ извѣстій:

8-го декабря въ домѣ Спиридова, читаемъ мы въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ Озерковскомъ переулкѣ, Пятницкой части, совершено покушеніе на убійство крестьянки Пензенской губ. Татьяны Харитоновой Бобровой мужемъ ея Сергѣемъ Никифоровымъ Бобровымъ. Вслѣдствіе дурного поведенія и пьянства мужа Бобровы вмѣстѣ не жили. Означеннаго числа Сергѣй Бобровъ пришелъ къ женѣ своей пьяный. Послѣ ссоры онъ выхватилъ изъ кармана принесенный съ собою большой кухонный ножъ и бросился съ нимъ на жену. На крики послѣдней прибѣжали сосѣди, которымъ пьянаго Боброва удалось обезоружить.

Пострадавшая сейчас же была изъ квартиры отправлена въ Пятницкій пріемный покой, гдѣ по осмотру врача у нея оказалась неопасная рана на животѣ.

Бѣдная Татьяна осталась живою, очевидно только благодаря тому, что ея звѣрь-сожигатель не заперъ за собою дверь на задвижку. „Бобровъ арестованъ“ гласить корреспонденція. Невольно приходитъ на мысль, что будетъ дальше. Дальше Боброва будутъ судить, какъ водится — оправдаютъ, Татьяну, если она выздоровѣетъ, предоставятъ опять въ его распоряженіе; что придется ей еще претерпѣть, предсказать нетрудно.

Массу можно было бы привести такихъ извѣстій съ еще болѣе роковымъ исходомъ, при еще болѣе ужасающей обстановкѣ, но къ чему разстраивать читателя, онъ все это раньше уже читалъ или слышалъ. Только для доказательства, какія мелочныя причины, какая ничтожная провинность со стороны жены вызываетъ кровавую расправу съ нею мужа, приведемъ корреспонденцію изъ „Самарской Газеты“. Вотъ что гласить обвинительный актъ:

8-го декабря 1896 года, вечеромъ, Петръ Мещеряковъ пришелъ домой пьяный и потребовалъ ужинать, а когда жена его Матрена вслѣдствіе чего-то замедлила подать ужинъ, то Мещеряковъ набросился на нее и сталъ бить ее такъ сильно, что несчастная черезъ нѣсколько минутъ умерла. При вскрытіи трупа оказалось, что печень и селезенка разорваны, что и послужило причиной смерти Матрены Мещеряковой.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Мещеряковъ виновнымъ себя не призналъ (ну, конечно!), объяснивъ, что онъ только оттолкнулъ жену отъ печи. При разбирательствѣ дѣла въ окружномъ судѣ обвиняемый также не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ слѣдующее. „Когда я пришелъ домой нѣсколько пьянымъ и попросилъ жену дать мнѣ ужинать, то она стала ругаться

и не хотѣла давать мнѣ ѣсть. Тогда я самъ хотѣлъ достать изъ печки хлебово; въ это время къ печкѣ подошла также и жена, я ее оттолкнулъ, и она упала и ударилаь о сундукъ, а потомъ встала и легла на постель. Я сталъ ужинать. Полежавъ на постели, жена встала и пошла по избѣ, но вдругъ среди пола упала и закричала. Я подошелъ къ ней и сталъ говорить: „Что ты притворяешься!“, и при этомъ сталъ трогать ее ногами, но она молчала и не двигалась; я наклонился къ ней, — она была уже мертва.

Неужели для каждаго неясно, какую ложью, изъ желанія себя выгородить, звучитъ этотъ рассказъ? Вѣдь Матрена стояла, очевидно, лицомъ къ мужу, когда они сошлись у печки, и потому, когда онъ ее оттолкнулъ, она должна была упасть навзничъ и удариться о сундукъ спиной и головой. Могла ли при этомъ у нея разорваться печень и селезенка? Не разорвались ли онѣ тогда, когда супругъ, стащивъ ушибленную жену съ постели на полъ, *трогалъ* или, вѣрнѣе сказать, билъ и топталъ ее ногами? И какъ бы вы думали, къ какому наказанью былъ присужденъ Петръ Мещеряковъ, разорвавшій печень и селезенку бѣдной Матрены? — „Къ аресту на одинъ мѣсяць и къ церковному покаянiю по усмотрѣнiю начальства“ — гласитъ корреспонденція. Милостиво, въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ видно, что судьи были до мозга костей проникнуты началами римскаго права, по которому мужчина за убiйство своего раба и своей жены не отвѣтствовалъ. Впрочемъ, и у насъ на Руси въ старинныя времена, убiйство жены мужемъ, по свидѣтельству историковъ, нерѣдко оставалось безнаказаннымъ и во всякомъ случаѣ наказывалось легче, чѣмъ даже обыкновенное убiйство посторонняго человѣка (Я. Оровичъ „Женщина въ правѣ“, стр. 126). Такъ же снисходительно относятся къ женоубiйцамъ и наши современные присяж-

ные засѣдатели, доказательство чему мы приводимъ ниже, хотя по современному нашему законодательству убійство жены мужемъ наказуется строже простого убійства—*наравнѣ* съ убійствомъ мужа женой. Но прежде, чѣмъ привести нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, какъ снисходительны не въ мѣру наши присяжные къ женоубійцамъ, мы укажемъ, какъ мало ограждена женщина отъ жестокаго обращенія съ нею мужа; когда она, доведенная до отчаянія дурнымъ обращеніемъ его съ нею, рѣшится, наконецъ, обратиться къ суду, то это повлечетъ за собою весьма горькія для нея послѣдствія. Приведемъ для этой цѣли извѣстіе изъ „Волжскаго Вѣстника“, какъ разбиралась одна такая жалоба у мѣстнаго мирового судьи.

Мировой судья 4 уч. рассмотрѣлъ на-дняхъ дѣло по обвиненію нѣкоего Мѣшенкова и его квартирнаго хозяина Николаева въ причиненіи побоевъ женѣ Мѣшенкова—Дарьѣ. Побой длились три дня праздниковъ Рождества. Въ первые два дня билъ Дарью пьяный мужъ, а на третій въ побояхъ участвовалъ и Николаевъ. Двѣ свидѣтельницы показали, что на третій день праздника вечеромъ Мѣшенковъ побилъ Дарью и выгналъ ее въ сѣни безъ верхняго платья и босикомъ, вслѣдствіе чего бѣдная женщина долго кричала, чтобы ее впустили въ квартиру, гдѣ въ это время плакалъ ея трехлѣтній ребенокъ Андрей. Плачь ребенка и матери, наконецъ, надоѣлъ пьяной компаніи, и Дарью впустили за ребенкомъ, но опять начали бить, при чемъ попало и ребенку, бывшему у нея на рукахъ. Въ заключеніе Николаевъ, не давъ Дарьѣ одѣться и укрыть ребенка, схватилъ ее за косу и вытолкалъ опять въ сѣни. Тутъ уже вступились за нее сосѣдки и пріютили, а отъ нихъ Дарья отправилась за полицейскимъ.

— Бить-то бьютъ, да еще ребенка научаютъ ругать меня непечатною бранью!—жаловалась на мужа Дарья передъ судьей. Ужь вы заставьте его дать мнѣ отдѣльный паспортъ!—просила Дарья.

— Я не могу! Въ окружный судъ надо подавать,—отвѣтилъ

судья, постановляя рѣшеніе, которымъ приговорилъ къ аресту Мѣшенкова на 15 дней, а Николаева на 12 дней.

Не поздоровится, должно быть, Дарьѣ, когда ея супругъ отбудетъ срокъ наказанія. О томъ, какъ поплатилась одна несчастная женщина за то, что осмѣлилась пожаловаться на своего изверга-мужа, мы узнаемъ изъ слѣдующей корреспонденціи „Новаго Времени“:

Сегодня, утромъ, въ д. 41, по Гороховой, совершено звѣрское преступленіе, жертвой котораго сдѣлались молодая женщина, крестьянка Александра Колгашкина, недавно поселившаяся въ этомъ домѣ, и призрѣвшая ее старушка, мѣщанка Ипатова, 67 лѣтъ. Александра Колгашкина разошлась съ мужемъ, съ которымъ вела тяжбу за жестокое съ нею обращеніе, и, покинувъ его, переѣхала къ Ипатовой. Сегодня, въ началѣ 7 часа утра, въ квартиру Ипатовой ворвался мужъ Александры, Василій Колгашкинъ, прошелъ прямо въ комнату спавшей жены и съ бранью ударилъ ее финскимъ ножомъ въ грудь. Жестоко раненая, обливаясь кровью, Александра Колгашкина бросилась къ выходу, здѣсь Колгашкинъ ударилъ ее тѣмъ же ножомъ въ грудь и спину. На крикъ обезумѣвшей отъ ужаса и боли Колгашкиной прибѣжала Ипатова, бросившаяся къ Колгашкину, чтобы остановить его отъ дальнѣйшей рѣзни, и также едва не поплатилась жизнью. Колгашкинъ ударилъ и ее ножомъ и причинилъ ей довольно значительный порѣзъ. Нанося удары жепъ, а также въ продолженіе всей послѣдующей дикой сцены, когда на страшный шумъ сбѣжались сосѣди и дворники, Колгашкинъ продолжалъ браниться; обезоружить его удалось лишь послѣ продолжительной борьбы. Александра Колгашкина отправлена въ больницу, куда доставлена въ безсознательномъ состояніи; раны ея признаны тяжкими и для жизни опасными. Ипатову также пришлось отвезти въ больницу. Колгашкинъ, какъ оказалось при арестованіи его, находился въ состояніи сильнаго оцѣянѣнія; поступокъ его вызванъ озлобленіемъ на жену. Несчастливая женщина, послѣ продолжительнаго семейнаго сожительства съ нимъ, покинула его недавно, при чемъ подала на него жалобу, обвиняя мужа въ жестокомъ съ нею обращеніи. На разби-

рательствѣ дѣла жалоба подтвердилась, и Колгашкинъ приговоренъ къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ; за этотъ приговоръ онъ и намѣревался отомстить женѣ, несмотря даже на то, что приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе поданнаго ею въ судъ заявленія о прощени мужу. Колгашкинъ—закиточный торговецъ, владѣющій небольшимъ мануфактурнымъ магазиномъ на Сѣнномъ рынкѣ въ Петербургѣ.

Мы совершенно далеки отъ того, чтобы считать Мещеряковыхъ, Мѣшенкиныхъ, Колгашкиныхъ за закоренѣлыхъ злодѣевъ. Каждый изъ нихъ самъ угнетенъ и пришибленъ сильными людьми, нуждой, обстоятельствами и потому срываетъ зло на своей безотвѣтной женѣ. Жена—его безграничная собственность, онъ воленъ надъ нею, и въ немъ развиваются наклонности деспота и пренебреженіе къ женщинѣ, связанной съ нимъ навсегда и во что бы то ни стало. Припомнимъ, что говоритъ Джонъ-Стюартъ Милль по поводу супружескихъ правъ:

Скучно повторять общія мѣста о томъ, что власть вообще портитъ людей, обладающихъ ею, такъ какъ послѣ политическихъ преній объ этомъ предметѣ, продолжающихся цѣлые вѣка, это каждый знаетъ наизусть, и все-таки повтореніе подобныхъ афоризмовъ никогда не оказывается лишнимъ, потому что рѣдко кому приходитъ въ голову примѣнить ихъ именно къ тому случаю, къ которому они всегда болѣе примѣнимы: къ власти, ввѣряемой не одному человѣку отъ числа миллионовъ, а каждому совершеннолѣтнему мужчинѣ, не исключая самаго низкаго, злого и безчеловѣчнаго... Спрашивается: можно ли требовать лучшаго при существующей формѣ брачныхъ учреждений? Нѣтъ, ибо мы знаемъ очень хорошо, что дурныя склонности человѣческой природы удерживаются въ должныхъ предѣлахъ только тогда, когда имъ не дается простора; мы знаемъ, что почти каждый человѣкъ, который встрѣчается въ жизни только съ уступчивостью, приобрѣтаетъ со временемъ, если не сознательное стремленіе, то привычку посягать на личность людей, пока не дойдетъ до такихъ поступковъ, которые вынудятъ сопротивленіе. Если такова

общая склонность человѣческой природы, то безграничная власть, которую существующія общественныя учрежденія даютъ каждому мужчинѣ, по крайней мѣрѣ, надъ однимъ человѣческимъ существомъ, съ которымъ онъ живетъ и которое у него всегда передъ глазами.—эта власть, говорю я, выискиваетъ и вызываетъ зачатки эгоизма, кроющіеся въ самыхъ отдаленныхъ изгибахъ человѣческой природы, раздуваетъ въ пламя малѣйшую искру и даетъ законный исходъ такимъ чертамъ, которыя во всякихъ другихъ сношеніяхъ человѣку пришлось бы поневолѣ скрывать и заглушать.

Все это неоспоримыя истины, но давно пора подумать объ объектѣ этой власти, давно пора войти въ положеніе несчастной женщины. Въ самомъ дѣлѣ, законодательная власть отдала ее въ полное распоряженіе мужчины, судебная власть тоже беретъ сторону ея угнетателей, гдѣ же ей-то искать защиты и покровительства?—Самой постараться выбиться изъ этого тяжелаго положенія, но по справедливому замѣчанію поэта:

Тяжелый плѣнь, весь ужасъ женской доли,
Ей для борьбы оставилъ мало силъ.

И пока что, невинная кровь льется рѣкой!... Никого такъ не склонны присяжные оправдать, какъ женоубійцу; если они не оправдываютъ его совершенно, то даютъ всяческое снисхожденіе. Убийство жены, по большей части, квалифицируется ими не какъ убійство, а какъ нанесеніе тяжкихъ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, даже удушеніе относится ими къ тяжкимъ побоямъ (въ видѣ доказательства приводимъ ниже одно такое дѣло). Когда орудіемъ убійства служитъ ножъ, топоръ или револьверъ, и причину смерти павшей жертвы уже совершенно нельзя отнести къ тяжкимъ побоямъ, то убій-

ство признается совершеннымъ въ припадкѣ запальчивости и раздраженія, хотя подсудимый и привлекается къ отвѣтственности за продуманное убійство. Еще легче отдѣливается подсудимый, когда заявить на судѣ или при слѣдствіи, что совершилъ убійство своей законной жены или любовницы изъ ревности. О, тогда онъ становится въ глазахъ присяжныхъ чуть ли не героемъ. И подсудимые какъ бы заранѣе знаютъ эту склонность присяжныхъ оправдывать ревнивцевъ. Они почти всегда стараются набросить тѣнь на прошлое своей жертвы, но эта черная тѣнь при разслѣдованіи дѣла и на судѣ сплошь и рядомъ разсѣвается, а клеветы подсудимыхъ ничѣмъ не подтверждаются.

Да не посѣтуетъ на насъ читатель, если мы, въ подтверженіе сказаннаго, напомнимъ ему нѣсколько процессовъ, взятыхъ нами изъ отдѣла судебной хроники нѣкоторыхъ газетъ за послѣдніе годы. Начнемъ, хотя съ процесса, когда удушеніе было отнесено присяжными къ тяжкимъ побоямъ.

Вчера, марта 98 г., по II-му уголовному отдѣленію московскаго окружнаго суда, подъ предсѣдательствомъ тов. преде. А. А. Югансона, слушалось дѣло по обвиненію крестьянина сельца Кузьяевки, Дмитровскаго уѣзда, въ удушеніи своей жены. Обвиненіе поддерживалъ тов. прок. П. М. Александрійскій. Защищали пом. пр. пов. Муравьевъ и Маклаковъ.

Въ прошломъ году, 1-го августа, кр. Григорій Рожковъ, человѣкъ лѣтъ 50-ти, явился къ уряднику и заявилъ, что наканунѣ, т.-е. 31-го іюля, напалъ свою жену повѣсившеюся въ овинѣ. Онъ вышелъ на задворки ворошить сѣно, — рассказывалъ Рожковъ, — когда замѣтилъ, что дверь овина пріотворена. Заглянувъ туда, онъ увидалъ жену свою Акулину, 38-милѣтнюю бабу, висящую на веревкѣ, привязанной къ перекладинѣ. Поспѣшно оборвавъ веревку, онъ крикнулъ на помощь кр. Шибаева, работавшаго по сосѣдству на своей усадьбѣ, и оба они стали при-

водитъ самоубійцу въ чувство... Всѣ усилія ихъ, однако, не привели ни къ чему, такъ какъ передъ ними былъ уже похолодѣвшій трупъ. Урядникъ, отправившійся на мѣсто происшествія, чтобы провѣрить этотъ разсказъ, кромѣ синей полосы на шеѣ и ссадины на лѣвой ногѣ, ничего не нашелъ, и было признано, что Акулина сама насильственно прервала свою жизнь.

Такъ дѣло и кануло бы въ Лету, если бы не вмѣшательство брата умершей Акулины, Тимоея Фрунштатова. Питая сильныя подозрѣнія противъ Григорія Рожкова, онъ выразилъ ихъ въ заявленіи, поданномъ становому приставу. Григорій, по его словамъ, жилъ съ женой очень дурно, немилосердно билъ ее, вѣчно ссорился. Въ виду всего этого Фрунштатовъ просилъ произвести вскрытіе трупа умершей Акулины.

Вскрытіе было произведено уѣзднымъ врачомъ г. Барокомъ. Уже при наружномъ осмотрѣ врачъ нашелъ точечные кровоподтеки на соединительной ткани праваго глаза и опухоль на правой щекѣ, при надрѣзѣ оказавшуюся кровоподтекомъ, съ яблоко величиною. По верхней части правой стороны шеи проходила поперечная темнофіолетовая сухая полоса, по задней же сторонѣ шеи—темнобурая, зигзагообразная полоса. Кромѣ этихъ двухъ полосъ, бороздила шею поперекъ, начиная отъ внутренняго края лѣвой ключицы, переходя затѣмъ на переднюю сторону шеи и кончаясь немного ниже челюсти, одна ясно выраженная темно-зеленая сухая и жесткая на-ощупь полоса. На плечѣ оказалось 15 ссадинъ, въ обоихъ вискахъ—большіе кровоподтеки, до 10-ти кровоподтековъ въ области лба и громадный сплошной кровоподтекъ на затылкѣ. Грудь и шея также носили слѣды ударовъ кулакомъ или инымъ твердымъ тѣломъ. Изъ всего этого экспертъ вынесъ заключеніе, что покойная была жестоко избита, и смерть послѣдовала не отъ самоповѣшенія, а является результатомъ насильственного задушенія постороннею рукой.

Григорій Рожковъ не признавалъ себя виновнымъ и продолжалъ повторять тотъ же разсказъ, который онъ сообщилъ уряднику.

Дарья, жена сына Григорія, жившая въ его домѣ, разсказывала объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ преступленію, слѣдующимъ образомъ. Всѣ трое, она, Григорій и Акулина, встали въ роковой день рано поутру. Дарья отправилась въ поле жать. Григорій тоже куда-то ушелъ, а Акулина осталась стирать. Когда Дарья вернулась съ поля часовъ около десяти утра, мужъ

и жена пили чай, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Акулина попила чаю и вышла, а минутъ черезъ десять-пятнадцать ушелъ изъ избы и Григорій Рожковъ, сказавъ, что идетъ на задворки сѣно ворошить. Дарья осталась одна въ избѣ и черезъ четверть часа узнала отъ зашедшаго къ ней сосѣда, Гаврилы Никифорова, что невѣстка ея повѣсилась въ овиноѣ.

Другой свидѣтель, сосѣдъ Рожкова, кр. Шибаевъ, около 11-ти часовъ вышелъ изъ дому во дворъ и видѣлъ, какъ Григорій въ своей усадьбѣ ворошилъ сѣно. Но не прошло и трехъ минутъ, какъ Григорій, бросивъ вилы, подошелъ къ овиноу, заглянулъ въ него и закричалъ Шибаеву, размахивая руками: „Ей, Иванъ!.. Скорѣе!.. Акулина!..“. Шибаевъ поспѣшилъ на зовъ и, вбѣжавъ въ овиноу, увидѣлъ Акулину лежащую на полу безъ признаковъ жизни. Григорій тутъ же рассказалъ ему, что засталъ жену висящею на перекладинѣ и оборвалъ веревку. На перекладинѣ, какъ видѣлъ Шибаевъ, дѣйствительно болталась веревка, захлестнутая за перекладину петлей. Шибаевъ и Григорій стали было приводить Акулину въ чувство, но не замедлили убѣдиться, что передъ ними трупъ. Въ это время мимо овина проходили кр. Ямчиковъ съ сыномъ. Григорій позвалъ и ихъ.

Акулина, по словамъ свидѣтелей, видѣвшихъ ее утромъ, была здорова и не жаловалась ни на что. Шибаевъ, съ которымъ она встрѣтилась за часъ до смерти у колодца, видѣлъ ее смѣющеюся и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Мать и отецъ Акулины показали, что Рожковы жили дурно. Григорій билъ жену очень часто и такъ свирѣпо, что ей приходилось искать спасенія въ домѣ родителей. Билъ онъ ее въ пьяномъ видѣ и трезвый.

Таковы данныя, изложенныя въ обвинительномъ актѣ.

На этомъ прерывается судебная хроника, но въ отдѣлѣ извѣстій въ томъ же № мы читаемъ слѣдующее:

Дѣло по обвиненію кр. Рожкова въ убійствѣ своей жены, отчетъ о которомъ помѣщенъ у насъ въ отдѣлѣ судебной хроники, затянулось до 1½ часа ночи. Свидѣтельскія показанія не дали твердаго матеріала для сужденія о виновности Рожкова, и рѣшающее значеніе имѣло заключеніе экспертовъ, врачей Барока

и Мореля. Врачи категорически заявили, что Акулина Рожкова была избита и удушена руками, а затѣмъ, уже мертвая, повѣшена.

Присяжные засѣдатели признали Рожкова виновнымъ въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, и судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ.

25-го сентября въ московскомъ окружномъ судѣ по III уголовному отдѣленію подѣ председательствомъ тов. преде. Д. А. Нилуса, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слушалось дѣло по обвиненію цехового Кононова въ умышленномъ убійствѣ своей жены. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

26-го ноября прошлаго года обвиняемый Кононовъ, имѣвшій башмачное заведеніе на Камеръ-Коллежскомъ валу, сидѣлъ у себя въ квартирѣ рядомъ съ мастерской и пилъ вмѣстѣ съ женой водку. Они успѣли выпить уже четыре полубутылки и послали дѣвочку, служившую у нихъ въ нянькахъ, за пятой, хотя оба были уже совершенно пьяны. Вернувшись съ водкой не болѣе какъ черезъ пять минутъ, дѣвочка нашла свою хозяйку лежащею на полу уже мертвой, съ кровоточащею раной въ правомъ вискѣ. Хозяинъ, Кононовъ, стоялъ посрединой комнаты и, показывая ей на трупъ жены, сказалъ: „вотъ видишь, готово!“, потомъ спросилъ ее, кто стоялъ на полицейскомъ посту, и приказалъ ей позвать городского. Когда пришелъ городской, онъ ему тоже сказалъ: „вотъ она и готова!“, а на вопросъ городского: что же это такое? сказалъ, повидимому, спокойно и продолжая курить папиросу: „Э, да она мнѣ давно ужъ опротивѣла!“ Затѣмъ безъ сопротивленія и безъ всякихъ возраженій онъ пошелъ вмѣстѣ съ городовымъ въ участокъ.

На другой день онъ былъ освидѣтельствованъ полицейскимъ врачомъ, такъ какъ его поведеніе возбуждало сомнѣніе относительно состоянія его умственныхъ способностей, на все предлагавшіяся ему вопросы отвѣчалъ очень кратко и какъ-то равнодушно, но толково, и врачъ не нашелъ въ немъ признаковъ умственнаго расстройства.

Медицинскимъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ во время предварительнаго слѣдствія, никакихъ объективныхъ данныхъ, указывающихъ на психическое расстройство Кононова, какъ уже сказано, обнаружено не было. Выяснено только, что старшій его братъ сошелъ съ ума и умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ.

Подсудимый, не отрицая факта убійства, объяснилъ, что до

веденъ былъ до отчаянiя постояннымъ пьянствомъ жены, которая и дѣтей забросила, оставила совсѣмъ безъ призора, и ему, какъ узналъ, была невѣрна. Скольکو разъ онъ уговаривалъ ее, умолялъ бросить пить, но все было бесполезно, она ему въ конецъ опротивѣла, и вотъ 26-го ноября онъ убилъ ее, хотя и не замышлялъ сдѣлать это.

Изъ свидѣтельскихъ показанiй на судѣ выяснилось, что Кононовъ еще мальчикомъ отданъ былъ въ ученiе башмачному мастерству къ какому-то родственнику, учился хорошо, но вдругъ сбѣжалъ и пропадалъ нѣсколько лѣтъ. Вернувшись, онъ объявилъ, что все это время жилъ въ услуженiи въ какой-то больницѣ для умалишенныхъ, и снова принялся за ученiе. Лѣтъ 12-ть тому назадъ онъ, уже имѣя свое собственное башмачное заведенiе, женился на молодой и красивой дѣвушкѣ, служившей въ Москвѣ въ горничныхъ. Нѣсколько лѣтъ они жили очень хорошо, дружно, но пять или шесть лѣтъ тому назадъ оба стали попивать. Кто началъ первый,—сказать трудно, но фактъ тотъ, что рѣдкiй день проходилъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не былъ пьянъ; придетъ она пьяная,—онъ съ горя напьется; вернется онъ подъ хмелькомъ, она зашьетъ, и онъ, проспавшись, находитъ ее уже мертвецки пьяною. Дѣвочка-нянька, болѣе другихъ видѣвшая ихъ семейную жизнь, показала, что при ней нѣсколько разъ Кононовъ со слезами на глазахъ уговаривалъ жену не пить. „Посмотри на Бога, Маша, вспомни дѣтей, перестань пить!“—упрашивалъ онъ ее, но она на это отвѣчала смѣхомъ и бранью. Стучалось, что при этомъ и самъ Кононовъ бывалъ выпивши. Несмотря на пьянство, Кононовъ работы не бросалъ и дѣло у него шло хорошо,—работы бывало рублей на 500 въ мѣсяцъ. Передъ убiйствомъ онъ пилъ цѣлую недѣлю и почти ничего не ѣлъ, закусывалъ немного огурцомъ. Жена тоже въ это время пила. Что произошло между ними послѣ того, какъ дѣвочка ушла за водкой и они остались одни, это остается неизвѣстнымъ. Рабочiе, сидѣвшiе въ послѣдней комнатѣ, въ мастерской, слышали только, какъ хозяинъ сказалъ женѣ: „раскрой ротъ, я тебѣ водки волью!“, и почти вслѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ. Когда они вбѣжали въ комнату, почти одновременно съ дѣвочкой, Кононова лежала уже мертвою.

Тѣмъ не менѣе, онъ былъ освидѣтельствованъ указаннымъ въ Уст. уг. суд. порядкомъ и въ окружномъ судѣ, но и при этомъ освидѣтельствovaniи никакихъ признаковъ психической

болѣзни у него обнаружено не было, и его предали суду за умышленное убійство.

Врачъ-экспертъ не далъ опредѣленнаго заключенія, хотя и не отрицалъ, что послѣ продолжительнаго и чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ передъ 26-мъ ноября Кононовъ, ничего почти при этомъ не ѣвшій, могъ въ этотъ день находиться въ состояннн умоизступленія отъ остраго отравленія алкоголемъ.

Присяжные засѣдатели признали Кононова виновнымъ въ убійствѣ въ состояннн запальчивости и раздраженія, и судъ приговорилъ его къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь въ мѣста менѣе отдаленныя, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состояннн.

Приведенные нами два судебныхъ процесса даютъ мало матеріала для опредѣленія того, что за личности были убитыя мужьями Акулина Рожкова и Марья Кононова. Акулина, какъ видно, была работящею честною семьянинкой, Марья была красива и, выйдя замужъ, стала выпивать, только это мы и узнаемъ объ ней, но въ хроникѣ, помѣщаемой ниже, передъ читателемъ вырисуетса строгій обликъ самоотверженной труженицы, совершенно бессмысленно и безцѣльно загубленной своимъ излѣбннвшимся и изболтавшимся негодяемъ-мужемъ.

Вотъ что гласитъ судебная хроника „Волжскаго Вѣстника“ № 16, 1898 г.:

Въ послѣднюю чистопольскую сессію казанскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разсматривалось характерное съ бытовой и психологической стороны дѣло объ убійствѣ молодымъ двадцатипятилѣтнимъ крестьяниномъ Александромъ Николаевымъ Клементьевымъ жены своей Ольги Васильевой, молодой и симпатичной женщины. Финалъ ихъ супружеской жизни разыгралса въ ихъ деревнѣ Богдашкино, старочелнинской вол., Чистопольскаго у., Казанской губ.

Клементьевъ лѣтъ 7—8 тому назадъ лишился своихъ родителей, уже престарѣлыхъ людей, оставившихъ ему исправное

полное хозяйство: хороший домъ, скотъ, сельско-хозяйственные принадлежности. По отзывамъ родственниковъ, онъ былъ добрымъ и послушнымъ сыномъ. Но по смерти родителей, выйдя изъ-подъ опеки, онъ пересталъ проявлять заботливость о хозяйствѣ, которое стало падать. Вскорѣ онъ сталъ распродавать скотъ, хороший домъ промѣнялъ на худшій, этотъ послѣдній, въ свою очередь, промѣнялъ еще на болѣе худшій, чтобы имѣть возможность сыграть свадьбу, и, такимъ образомъ, въ плохой избенкѣ на краю деревни поселился онъ съ своею молодою женой. Жена его, по отзывамъ всѣхъ свидѣтелей и его родственниковъ, не исключая и его самого, была женщина хорошая, смиренная, работящая, правдивая. Они жили вначалѣ дружно. Она занималась пряжею нитокъ и этимъ заработкомъ поддерживала не только себя, но и мужа, который бросилъ заниматься хозяйствомъ, землю свою сдалъ въ аренду и самъ сталъ уходить на заработки въ степь, въ Самарскую губернію. Но съ заработка онъ не только ничего не приносилъ домой, но даже проѣдалъ и то, что бралъ съ собою изъ дому.

Въ то же время онъ былъ человѣкомъ непьющимъ. Въ 1894 году онъ ушелъ на заработки, взявъ съ собою и жену, съ которою и скитался около двухъ лѣтъ, возвратившись уже въ 1896 г. въ свою деревню, гдѣ и поселился на квартирѣ крестьянина Федулова до масляницы 1897 года. Здѣсь у нихъ шли постоянныя непріятности, ссоры, настолько, что Федуловъ отказалъ имъ отъ квартиры. Ольга стала жаловаться, что онъ ее бьетъ. Еще на заработкахъ началась для нея тяжелая жизнь. Мужъ ничего не хотѣлъ тамъ дѣлать, заставляя ее работать или просить милостыню, оставался все-таки ею недовольнымъ, сталъ ее бить, ревнуя при томъ къ каждому мужчине безъ всякаго повода и основанія. Мужъ ея сдѣлался озорникомъ и лѣнтяемъ, какъ характеризовали его всѣ свидѣтели. Онъ сталъ ее звать опять уйти съ нимъ на заработки, она отказывалась, и это усиливало еще болѣе раздраженіе мужа противъ жены. Въ то же время двое сосѣдей крестьянъ стали подсмѣиваться надъ нимъ, что жена ему во время отлучекъ измѣняетъ, при чемъ одинъ изъ нихъ—Ефремовъ—обѣщавъ открыть Клементьеву средство, какъ приворожить къ себѣ жену, если онъ согласится продать плетень отъ двора его избенки. Клементьевъ продалъ тогда плетень свой за 90 коп. и, получивъ совѣтъ, не замедлилъ его выполнить. За три дня до роковой развязки онъ ночью, согласно наставленію Еф-

ремова, спермой своею вымазала грудь и голову жены. На утро жена замѣтила еще, что по окнамъ и у двери насыпана соль, и такъ испугалась ворожбы, что ночевать ушла къ своему куму Аванасію Васильеву, боясь и на другой день воротиться домой. Тогда Клементьевъ со слезами сталъ уговаривать свою жену воротиться, раскаивался въ своихъ поступкахъ и общалъ больше не бить ея.

Поддавшись наконецъ этимъ уговорамъ и общаніямъ, Ольга вернулась къ мужу. Въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля они вмѣстѣ легли спать. Рано утромъ ей понадобилось выйти на дворъ. Охваченная какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ, предчувствіемъ, она просила мужа пойти вмѣстѣ съ нею. Возвратившись въ избу, она сѣла на скамейку. Вдругъ мужъ ея схватываетъ съ полки складной ножъ, ударяетъ ее по затылку настолько сильно, что она свалилась на полъ, на солому; набросившись на лежащую ничкомъ жену, онъ садится на нее верхомъ и наноситъ ей еще нѣсколько ударовъ. Пораненныя руки на трупѣ покойной показывали, что жертва пробовала защититься руками, хватая ими за ножъ.

Совершивъ это, онъ отправился къ сельскому старостѣ Сергѣю Охварину и хладнокровно заявилъ ему о случившемся. Немедленно отправившись на мѣсто происшествія староста съ понятными, а также сбѣжавшіеся однодеревенцы, нашли уже трупъ Ольги, лежавшій въ крови въ одной сорочкѣ и чулкахъ. Тутъ же надъ трупомъ жены, какъ далѣе и на предварительномъ слѣдствіи, Клементьевъ объяснилъ, что жилъ онъ съ женой дружно, она была для него хорошею женой, ему не измѣняла, и ни въ чемъ дурномъ онъ ея не подозрѣвалъ. Убить же жену заставили его два человѣка, которые, явившись въ бѣлыхъ одеждахъ къ нему подъ окно, закричали: „Александръ, возьми ножъ и зарѣжь жену, а потомъ и себя“. Онъ и поспѣшилъ исполнить приказаніе голосовъ, только себя не могъ зарѣзать, такъ какъ бросилъ ножъ, когда немного поранилъ себя шею. Онъ думаетъ, что его кто-нибудь испортилъ, и онъ совершилъ это убійство въ припадкѣ нехорошей болѣзни.

Въ виду такого заявленія Клементьева, послѣдняго подвергли освидѣтельствованію умственныхъ способностей въ казанской окружной лѣчебницѣ душевно-больныхъ, гдѣ онъ и былъ на испытаніи съ 23 мая по 25 іюня прошлаго года. Здѣсь онъ находился подъ наблюденіемъ ординатора Сергѣева; по физическимъ его признакамъ (малоголовость, дегенеративное нѣбо, дрожаніе

Женщ. передъ суд. прис.

10912
РУССК. КН.

языка, пониженіе болевой и термической чувствительности, рѣзкое повышеніе костныхъ и сухожильныхъ рефлексовъ), по ослабленію психической дѣятельности (пониженіе сознанія, соображенія и памяти, безжизненность, тупость сферы нравственной), а также принявъ во вниманіе обстоятельства дѣла и показанія свидѣтелей, врачи окружной лѣчебницы пришли къ заключенію, что онъ страдаетъ душевною болѣзнию въ формѣ *врожденнаго слабоумія* (*tautitas*), и что онъ, мучимый припадками ревности, доводившей его до тоски, совершилъ преступленіе въ состояніи безпамятства и умоизступленія.

Но врачи - эксперты, исправляющій должность врачебнаго инспектора докторъ Егоровъ и врачи Котельниковъ и Борисовъ, обсудивъ основанія, приведенныя въ заключеніи Сергѣева, а также послѣ разспросовъ самого Клементьева, не согласились съ мнѣніемъ врачей лѣчебницы о врожденномъ слабоуміи Клементьева.

Присяжные засѣдатели отвергли болѣзненное состояніе Клементьева при совершеніи преступленія и вынесли обвинительный вердиктъ, давъ все-таки Клементьеву снисхожденіе.

На основаніи этого вердикта окружный судъ приговорилъ Клементьева къ ссылкѣ въ Сибирь въ мѣста не столь отдаленныя.

Приведемъ еще одну корреспонденцію, грѣшащую, впрочемъ, односторонностью и предвзятымъ предубѣжденіемъ противъ жертвы.

13-го марта въ нижегородскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянина Николая Пронина въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ своей жены.

Проживая на родинѣ, въ селѣ Воротынцѣ, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губ., Николай Пронинъ, извѣстный между своими односельчанами какъ человекъ смирный, честный, хорошій семьянинъ, прекрасный работникъ, овдовѣвъ, женился вторично лѣтъ семь тому назадъ. Почти съ той минуты, какъ вторая его жена Марья вступила въ его домъ, весь строй его жизни сильно измѣнился къ худшему. Послѣ дружной жизни съ первою женою ему пришлось встрѣтиться въ лицѣ второй жены своей съ типомъ безнравственнымъ, крайне распущеннымъ, съ женщиной, способною промѣнять его на перваго встрѣчнаго. Она въ послѣдующую жизнь бѣгала не разъ отъ мужа, заводила цѣлый рядъ любовниковъ, изъ дома его сдѣлала какой-то пріютъ без-

нравственности и своимъ поведеніемъ и порочною совершенно его измучила. Въ такой обстановкѣ Пронину пришлось прожить нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, болѣе года тому назадъ Марья сошла съ своимъ односельчаниномъ Назаровымъ, скрывая сначала эту связь, потомъ перестала стѣсняться и даже отправилась съ своимъ возлюбленнымъ на Сормовскій заводъ, близъ Нижняго, куда Назаровъ поступилъ на работу. Тамъ и было совершено убійство Пронинымъ.

Этотъ послѣдній пріѣхалъ во второй половинѣ сентября прошлаго года въ Сормово, въ надеждѣ убѣдить жену возвратиться домой. Спрашивается зачѣмъ ему надо было, чтобы она вернулась? вѣдь съ вступленіемъ ея въ домъ *весь строй его жизни перемѣнился къ худшему*, слѣдовательно, съ ея уходомъ у него въ домѣ опять воцарились миръ и тишина? Придя около семи часовъ вечера въ квартиру Назарова, онъ встрѣтилъ тамъ лишь квартирантку Назарова Лабушину, которая ему сказала, что Назаровъ работаетъ еще на заводѣ, а Марья сейчасъ вернется домой, такъ какъ пошла въ лавочку. Дѣйствительно, Марья вскорѣ вернулась, и мужъ сталъ уговаривать молодую женщину ѣхать съ нимъ домой, но та отвѣчала рѣзкимъ отказомъ, а на его настойчивое замѣчаніе, что не лучше ли будетъ ей ѣхать, она возразила, что пріѣдетъ въ Воротынецъ только послѣ смерти его, Пронина, матери, „а дескать, не знаю, кто изъ насъ первая умретъ, можетъ быть, и я“. „Вотъ чайкомъ попойте попою, а съ тобой не поѣду“,—добавила Марья, увидавъ, что мужъ всталъ съ мѣста, и полагая, вѣроятно, что онъ хочетъ уходить. Она взяла самоваръ, но въ это время мужъ положилъ ей руку на плечо, и когда она къ нему повернулась лицомъ, то нанесъ ей рану въ бокъ острымъ складнымъ ножомъ. Марья стала звать на помощь, кричать, что мужъ ее зарѣзалъ, и Лабушина бросилась за хозяйками дома. Когда пріѣхала жена хозяина и его сынъ, то нашли потерпѣвшую лежащую на полу; она обливалась кровью, а рядомъ съ нею стоялъ мужъ и продолжалъ наносить ей удары. Сынъ хозяина Годѣевъ началъ вязать Пронина, но тотъ сталъ просить, чтобы его не вязали: „самъ никуда не уйду, затѣмъ и пришелъ сюда“. Далѣе, на разспросы Годѣева, что побудило его совершить преступленіе, Пронинъ промолвилъ: „простите, Христа ради, измучила она меня, затѣмъ и шель, для смѣлости выпилъ стаканчикъ“.

Марья поднялась на ноги и смогла сдѣлать нѣсколько шаговъ, когда ея мужа связаннаго повели изъ комнаты, но тутъ же упала и умерла. При вскрытіи у нея оказались три колотыя раны: первая, безусловно смертельная, въ лѣвой сторонѣ груди, задѣвшая сердце; вторая—тяжкая, угрожающая жизни опасностью, проникающая въ брюшную полость, и третья—на лѣвомъ предплечьѣ. Покойная послѣ полученныхъ поврежденій прожила всего нѣсколько минутъ.

Хотя сожитель покойной Прониной, свидѣтель Назаровъ, не отрицалъ въ своемъ показаніи, что покойная вела безнравственную жизнь, но говорилъ, что подсудимый самъ жилъ съ своею женою плохо, нерѣдко билъ ее, какъ она рассказывала свидѣтелю, и даже однажды такъ сильно, что ей пришлось обратиться къ врачу за помощью; что Пронинъ имѣлъ любовницъ, былъ пьяница, промышлялъ воровствомъ и что, наконецъ, покойная будто бы терпѣла много невзгодъ отъ матери Пронина. Но тѣнь, брошенная этимъ свидѣтелемъ на Пронина и его семью, была всецѣло сглажена объясненіемъ лицъ, допрошенныхъ въ судебномъ засѣданіи, которыя, зная хорошо Пронина, отозвались прекрасно о немъ, его матери и его тецѣ по первой женѣ.

Не мѣшаетъ господамъ присяжнымъ засѣдателямъ помнить, что сосѣди и односельчане часто даютъ хорошіе отзывы о подсудимомъ не потому, что онъ этого дѣйствительно заслуживаетъ, а изъ чувства самосохраненія, изъ боязни мести со стороны подсудимаго, и часто, чѣмъ меньше добра они отъ него ожидаютъ, тѣмъ болѣе его хвалятъ.

Всѣ несчастія, обрушившіяся на Пронина, по ихъ словамъ, начались съ женитьбы его на Марьѣ, сдѣлавшей неузнаваемымъ его домъ, извѣстный прежде достаткомъ и порядочностью. По натурѣ крайне распутная, она пользовалась отсутствіемъ мужа, чтобы устраивать въ его домѣ пирушки и пьянство съ своими любовниками. Она ничѣмъ не стѣснялась и, не останавливаясь на одномъ разгулѣ, не отказывалась принимать и завѣдомо краденое. Благодаря этому, она привлекалась разъ вмѣстѣ съ мужемъ за кражу, и, хотя Пронинъ былъ къ дѣлу не причастенъ, но въ виду того, что въ похищеніи участвовали его жена съ

своими братьями, онъ и взялъ вину на себя. Распущенность Марьи въ особенности усилилась съ тѣхъ поръ, какъ ея послѣдній любовникъ, Назаровъ, поселился у нихъ въ качествѣ работника; тогда жизнь Пронина сдѣлалась еще непригляднѣе. Циркулировали даже слухи въ селѣ, что Марья совмѣстно съ своимъ возлюбленнымъ пыталась не разъ покончить съ жизнью обвиняемаго, и, кромѣ того, было извѣстно доподлинно, что однажды кто-то ударилъ его коломъ ночью въ овинѣ. Характера Марья была рѣзкаго, никакихъ притѣсненій отъ родныхъ своего мужа она не видала (что же заставило ее тогда отъ нихъ бѣжать?), да и вообще была женщина такого типа, которая не дала бы себя въ обиду. Такая тяжелая семейная обстановка губительно вліяла на подсудимаго и такъ его истомила, что онъ зачастую говорилъ, что на такую жизнь глаза не глядятъ, что легче было бы въ Сибирь. Незадолго до совершенія преступленія онъ ходилъ какъ будто шальной, какой-то странный. Самъ Пронинъ разсказалъ на судѣ о томъ тяжеломъ горѣ, которое ему пришлось пережить съ Марьей, объ оскорбленіяхъ, которыя ему пришлось вытерпѣть отъ покойной. Когда она его покинула и уѣхала въ Сормово, то онъ предлагалъ ей вернуться назадъ, но всѣ его неоднократныя просьбы встрѣчали отказъ, и онъ рѣшилъ наконецъ, не стерпѣвъ обиды, пойти къ ней еще разъ и, въ случаѣ ея отказа, вернуться домой, покончить или съ собою или съ нею, для чего и принесъ ножъ. Услыхавъ отъ Марьи рѣшительный отказъ вернуться и на этотъ разъ, Пронинъ, не помня себя, дрожа какъ въ лихорадкѣ, сталъ наносить удары женѣ ножомъ, но какъ и сколько—совсѣмъ не помнить, такъ какъ потерялъ совершенно сознание.

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Пронинъ оправданъ.

Вотъ еще одно убійство жены, главнымъ поводомъ къ которому послужило, что родители дали за нею въ приданое не двѣсти рублей, какъ ожидалъ убійца, а пятьдесятъ. (№ 302, 1892 г. Русск. Вѣдом.).

(№ 302 Руск. Вѣд. 93 г.). 31 октября московскій окружный судъ по третьему уголовному отдѣленію приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла о цеховомъ Владимірѣ Романченко, 22 лѣтъ, по обвиненію въ убійствѣ своей 18-лѣтней жены.

Романченко, башмачникъ по ремеслу, женился въ 1890 г. на

дочери унтеръ-офицера Прасковья Кудрявцевой, 17 лѣтъ. Женясь, онъ рассчитывалъ получить за нею 200 руб., но въ дѣйствительности получилъ отъ отца ея только 50 руб. и, будучи очень этимъ разстроень, сталъ пьянствовать, а жена стала ежедневно дѣлать ему сцены и неоднократно уходила отъ него къ своему отцу. Эти ссоры повели къ тому, что восемь мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы Романченко выдалъ своей женѣ отдѣльный видъ на жительство, и она прожила въ домѣ своего отца мѣсяцевъ шесть. Затѣмъ она сняла отдѣльную комнату у съемщика Тарасова и на святкахъ 1891 году помирилась съ мужемъ и прожила съ нимъ до 7-го января 1892 года. Въ этотъ день они поссорились, и Романченко не приходилъ болѣе къ женѣ до 15-го января; 14-го января онъ заложилъ свои часы въ судной кассѣ за 10 руб. и на эти деньги купилъ подержанный револьверъ крупнаго калибра. Рано утромъ 15-го января Романченко, въ то время, какъ Тарасовъ выходилъ изъ своей квартиры, ворвался въ комнату жены и сказалъ ей, что сейчасъ отъ нея ушелъ человѣкъ, который у нея ночевалъ, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ нее нѣсколько разъ. Романченко была отправлена въ больницу Императора Павла, гдѣ у нея были найдены 4 раны: на груди, на животѣ, на рукѣ и ногѣ. Ей была сдѣлана операція и положены швы на раны, но, несмотря на это, она умерла на слѣдующій день отъ паралича сердца.

Передъ смертью Прасковья Романченко объяснила, что, придя къ ней, мужъ сталъ у нея требовать денегъ и при томъ былъ сильно пьянъ и шатался; она ему отказала, а онъ, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ нее нѣсколько разъ, а самъ скрылся. 15-го числа Владиміръ Романченко былъ поднятъ въ Спасскомъ пер., въ безчувственно-пьяномъ состояніи, и былъ отправленъ въ участокъ, гдѣ вечеромъ заявилъ, что, увидавъ мужчину, входящаго отъ его жены, и заподозрѣвъ ее въ невѣрности, онъ застрѣлилъ ее и хотѣлъ застрѣлиться самъ, но револьверъ не дѣйствовалъ, и онъ его забросилъ. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Романченко, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что постоянно ревновалъ свою жену, которую подозрѣвалъ въ невѣрности, такъ какъ часто видалъ ее на улицѣ гуляющею съ разными мужчинами. Однажды, увидавъ жену на улицѣ съ солдатомъ, онъ задержалъ ее и отправилъ въ участокъ, куда затѣмъ доставилъ и солдата, и потребовалъ составленія протокола, при чемъ всѣ въ участкѣ надъ нимъ смѣялись, не

исключая жены и солдата. Другой разъ онъ видѣлъ ее въ трактирѣ, гдѣ пчуютъ рабочіе, пьющею чай съ какимъ-то приказчикомъ, затѣмъ видѣлъ, какъ она вышла съ нимъ изъ квартирѣ, находящихся во дворѣ. Въ день же убійства этотъ же самый человекъ вышелъ рано утромъ изъ ея квартиры, и онъ, Романченко, не помня себя отъ ревности и злобы, застрѣлил ее. Револьверъ же купленъ имъ не для убійства жены, а для самообороны, такъ какъ его собирались избить. Солдатъ Наумовъ, котораго Романченко представлялъ въ участокъ, заявилъ, что онъ случайно на улицѣ встрѣтился съ Романченко, который былъ сильно пьянъ, и просилъ его пойти съ нимъ вмѣстѣ въ участокъ, гдѣ представилъ его какъ любовника своей жены, а околоточный надзиратель, видя, что Романченко совсѣмъ пьянъ, попросилъ его прійти завтра. На предварительномъ слѣдствіи не было установлено, чтобы кто бы то ни было собирався бить Романченко, и это его объясненіе остается голословнымъ. Также не было обнаружено, чтобы Прасковья Романченко находилась съ кѣмъ-либо въ любовной связи, хотя смѣясь она говорила мужу не разъ что жизнь ея теперь хорошая и что она можетъ найти себѣ человека лучше его. При открытіи засѣданія защитникъ обвиняемаго прис. пов. Шеметовъ ходатайствовалъ передъ судомъ о вызовѣ въ судъ эксперта, такъ какъ, по его мнѣнію, обвиняемый, постоянно пьянствующій, могъ совершить преступленіе въ припадкѣ бѣлой горячки. Судомъ ему въ этомъ было отказано, а послѣ опроса 6 свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что послѣдніе дни передъ убійствомъ Романченко ходилъ какъ „чумовой“ и въ „разстроенныхъ чувствахъ“, защитникъ вновь ходатайствовалъ о вызовѣ экспертовъ - психіатровъ. На этотъ разъ судъ уважилъ просьбу защитника и постановилъ вызвать въ вечернее засѣданіе экспертовъ.

Вечернее засѣданіе происходило уже въ присутствіи врача Сербскаго, при которомъ вновь начался передопросъ свидѣтелей: окончаніе судебного слѣдствія отложено до завтра.

Свидѣтельскими показаніями на судѣ по дѣлу о цеховомъ Владимірѣ Романченко, обвиняющемся въ убійствѣ жены, было установлено, что до брака Романченко вина не пилъ, былъ усердный работникъ и, будучи совершенно одинокъ, имѣлъ сбереженія. На Прасковью Кудрявцевой онъ женился по любви, не зная до брака другихъ женщинъ. Женильба его была не изъ счастливыхъ, жена его, вспыльчивая и несдержанная, ушла отъ него

на 4-й день къ своимъ роднымъ, говоря, что онъ ей противенъ, какъ собака, и что рано ли, поздно ли она жить съ нимъ не будетъ. Родные убѣждали ее вернуться къ мужу, и самъ онъ со слезами умолялъ ее объ этомъ. Послѣ долгихъ убѣждений она шла къ мужу, а черезъ нѣсколько дней спустя снова уходила отъ мужа, и повторялась прежняя исторія. При совмѣстномъ сожителствѣ было достаточно малѣйшаго повода для того, чтобы Прасковья Романченко дѣлала сцены и скандалы своему мужу; такъ, на святкахъ онъ звалъ ее въ гости; она итти не хотѣла и говорила, что, если пойдетъ, то и тамъ сдѣлаетъ скандалъ; онъ настаивалъ и взялъ ее за руку,—тогда она выхватила изъ кармана часы и со всего размаха бросила ихъ о полъ, разбивъ вдребезги. Възбѣшенный этимъ мужъ ее прибилъ, и она снова ушла отъ него. Постоянныя исторіи побуждали Романченко пить, а постоянныя насмѣшки со стороны жены, что она найдетъ друга получше его, разжигали его ревность, порождая въ его отуманенномъ виномъ мозгу представленіе о возможномъ соперникѣ. Невѣрность со стороны жены казалась ему тѣмъ вѣроятнѣе, что она принудила его, работавшаго въ мастерской у Прѣсененской заставы, переѣхать къ Серпуховскимъ воротамъ, такъ что для того, чтобы во-время явиться на работу, ему приходилось въ 4 часа утра выходить изъ дому и возвращаться лишь поздно ночью. Но и за позднія возвращенія жена его ругала, находя это для себя безпокойнымъ, и онъ часто оставался ночевать въ мастерской, мучимый въ то же время мыслью, что, быть можетъ, у нея сидитъ кто-нибудь другой. Все это до того мучило Романченко, что, говоря со всѣми близкими о семейной жизни, онъ плакалъ; но еще больше плакалъ онъ тогда, когда жена отъ него уходила, и всегда умолялъ ее остаться. Вслѣдъ за послѣднею ссорой съ женой, т.-е. 7-го января, по день катастрофы онъ пьянствовалъ непрерывно, блуждая цѣлыя ночи подъ окнами жены, производя впечатлѣніе на всѣхъ, его тогда видѣвшихъ, человѣка совсѣмъ очумѣвшаго. По спросѣ свидѣтелей Романченко въ присутствіи суда освидѣтельствованъ экспертомъ, пришедшимъ къ заключенію, что прежде всего обвиняемый эпилептикъ и что его болѣзненное состояніе является слѣдствіемъ того, что отецъ его пилъ запоемъ; на почвѣ же эпилепсіи при чрезмѣрномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ у него развился хроническій алкоголизмъ съ постояннымъ бредомъ, и что въ этомъ состояніи онъ находился въ моментъ

совершенія преступленія, находится въ такомъ же состояннн и теперь.

Въ виду такого заключенія экспертовъ судъ постановилъ пріостановить дѣло дальнѣйшимъ его разсмотрѣннмъ и войти въ судебную палату съ представленнмъ о необходимости под-вергнуть Романченко испытанню въ комисснн врачей.

Передъ нами еще дѣло съ участнмъ присяжныхъ засѣдателей, (Русск. Вѣд., 20 августа 1897 года), по обвиненню крестьяннна Сергѣя Смирнова, 36 л., въ убнйствѣ жены.

Вчера, 19-го августа, въ московскомъ окружномъ судѣ, по III уголовному отдѣленню, подѣ председателъствомъ тов. предсѣд. Д. А. Нилуса, съ участнмъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло по обвиненню крестьяннна Новоторжскаго уѣзда, дер. Оенино, Сергѣя Егорова Смирнова, 36 л., въ убнйствѣ жены. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

7-го мая прошлаго 1896 года приставъ 1-го участка Пречистенской части сообщилъ судебному слѣдователю 3-го участка г. Москвы, что того же числа, около 9 час. вечера, сапожникъ крест. Сергѣй Егоровъ Смирновъ, живущнй въ д. Алексѣева, по Бутиковскому нер., нанесъ смертельную рану женѣ своей, Матренѣ Евстигнѣвой. При осмотрѣ слѣдователемъ въ тотъ же день квартиры Смирнова оказалось, что на разстоянн одного шага отъ входной двери въ квартиру лежитъ на полу трупъ Смирновой, вокругъ котораго и подѣ нимъ — громадная лужа крови, особенно подѣ шеей. На передней части шеи видна свѣжая рана съ ровными и разошедшимися краями въ 2 вершка длиною, наполненная истекшею изъ нея кровью; на лѣвой сторонѣ нижней челюсти въ срединѣ подбородка идетъ также, по-видимому, рѣзаная рана, нѣсколько больше вершка длиною, проникающая всю толщю покрововъ; на правой щецѣ, почти отъ начала нижней челюсти, также въ срединѣ подбородка, замѣчается другая рана, около вершка длиною, сквозная, и чрезъ нее видна полость рта; рядомъ съ нею въ томъ же направленнн идетъ еще рана, не проникающая толщи покрововъ, съ надрѣзанными лоскутами кожи. Никакихъ другихъ поврежденнй на поверхности трупа найдено не было. При осмотрѣ комнаты, въ которой жилъ Смирновъ, на полу, особенно на кровати, возлѣ

нея и на входной въ спальную двери замѣчены кровяныя пятна. Внешній видъ кровати, смятой и сбитой, и кровь на подушкахъ, на простынѣ, на одѣялѣ и на полу указывали на то, что въ этомъ мѣстѣ происходила борьба, и что именно здѣсь были нанесены покойной раны. Ножъ, которымъ, повидимому, были нанесены раны, имѣеть широкое желѣзное лезвіе въ вершокъ шириною и нѣсколько болѣе $1\frac{1}{4}$ вершка длиною, заостренное и сильно отточенное, насаженное на деревянную въ мѣдной оправѣ ручку около 2 вершковъ длиною, И ручка и лезвіе покрыты кровяными пятнами.

При судебно-врачебномъ осмотрѣ трупа Смирновой на немъ, кромѣ замѣченныхъ слѣдователемъ ранъ, найдено на лицѣ нѣсколько ссадинъ и рана на верхнемъ вѣкѣ, а также обнаружено, что Смирнова была беременна на пятомъ мѣсяцѣ. Смерть Смирновой, по заключенію врача, послѣдовала отъ остраго малокровія вслѣдствіе кровоточенія изъ шейной раны, и что всѣ раны нанесены ей острымъ орудіемъ, на примѣръ, ножомъ.

Изъ показаній допрошенныхъ по этому дѣлу свидѣтелей выяснилось, что покойная Матрена Евстигнѣева вышла замужъ за Смирнова лѣтъ 17 тому назадъ. Первые лѣтъ шесть Смирновы жили въ деревнѣ, а потомъ переѣхали въ Москву, гдѣ у Смирнова была сапожная мастерская. Жили они тихо, согласно. Смирновъ очень любилъ жену, никогда не ссорился съ нею и не билъ ея; напротивъ, Матрена нерѣдко ругала мужа и даже таскала его за волосы, когда онъ возвращался домой пьяный, — выпивалъ Смирновъ порядочно, но и въ пьяномъ видѣ жены не обижалъ. Дѣтей у нихъ не было, о чемъ Смирновъ очень горевалъ и даже ѣздилъ съ женой въ Кіевъ помолиться, чтобы Богъ далъ дѣтей. Великимъ постомъ прошлаго года Матрена объявила мужу, что она беременна. Онъ очень обрадовался этому, сдѣлался особенно ласковъ съ женой и даже совсѣмъ бросилъ пить, но недѣли за три до смерти Матрены случилось обстоятельство, которое совсѣмъ измѣнило отношенія супруговъ. Въ половинѣ апрѣля какой-то парень изъ булочной Чуева принесъ Матренѣ письмо; Матрена, видимо, испугалась, подержала въ рукахъ письмо и возвратила его посланному, говоря, что это не къ ней, а къ бывшей ихъ жилищѣ Антонидѣ. Смирновъ былъ въ это время дома, вышелъ къ посланному и хотѣлъ было взять у него письмо, но Матрена не допустила этого. На другой же или на третій день послѣ этого Смирновъ вернулся домой пьяный, но

и тутъ у него не было съ женой ни драки, ни даже ссоры. Всѣ, однако, замѣтили, что послѣ этого случая Смирновъ сталъ ревновать жену, чего прежде не бывало, пересталъ даже пускать ее въ лавку за провизіей, а или самъ ходилъ въ лавку, или посылалъ мальчика. Матрена, съ своей стороны, выказывала полную холодность къ мужу: на примѣръ, если мужъ долго не возвращался домой, она уже не беспокоилась, какъ прежде, и не ходила его разыскивать. Черезъ недѣлю или черезъ полторы послѣ присылки письма Смирновъ поссорился съ женой и въ первый разъ побилъ ее. при чемъ говорилъ ей: „Я теперь узналъ твои штуки! Это письмо было непременно къ тебѣ, и ребенокъ не мой, а отъ другаго! Теперь мнѣ всѣ товарищи прохода не даютъ, смѣются этимъ ребенкомъ!“ Дня за два или за три до событія Матрена пошла за водою на Моску-рѣчку, мужъ пошелъ слѣдомъ за ней и видѣлъ, какъ она разговаривала тамъ съ какимъ-то мужчиной, который, завидѣвъ Смирнова, побѣжалъ прочь и вошелъ въ булочную Чуева. 7-го мая, въ день событія, Смирновъ былъ нѣсколько выпивши еще съ утра; за чаемъ часа въ 4 пополудни, еще выпилъ и поднесъ водки и женѣ, послѣ чаю уходилъ куда-то съ сапогами и, вернувшись домой, прошелъ прямо въ свою спальню, гдѣ была въ это время и жена. Съ начала ночи все было тихо.—ни спора, ни даже разговоровъ не было слышно, но вдругъ раздался страшный крикъ Матрены, на который сбѣжались жильцы и рабочіе Смирнова. Дверь въ спальню оказалась запертою извнутри на крючекъ и заставленною ящичкомъ, и когда ее отворили, сбросивши крючекъ черезъ щель, то увидѣли, что Матрена вся окровавленная стоитъ у окна, опершись головой на стѣну, возлѣ нея, рядомъ, стоитъ Смирновъ и придерживаетъ ее одной рукой. Какъ только отворили дверь, Матрена выбѣжала сначала въ мастерскую, а потомъ въ кухню, повалилась на полъ и минутъ черезъ 15 умерла. На вопросъ спидѣтелей; что ты это надѣлалъ? Смирновъ сказалъ, что жена хотѣла его зарѣзать, но вмѣсто того онъ самъ ее зарѣзалъ.

На предварительномъ слѣдствіи Смирновъ объяснилъ, что во время ужина у него съ женою вышла ссора, Матрена выругала его и ударила по рукѣ ножемъ. Это взорвало его, онъ схватилъ жену за волосы, опрокинулъ на постель и перерѣзалъ ей ножемъ горло, а потомъ еще два рѣзнулъ ножемъ и бросилъ его.

При освидѣтельствѣваніи обвиняемаго, 16-го мая, у него оказались рубцы: одинъ на указательномъ пальцѣ лѣвой руки и

два—на мезинцѣ. Кромѣ того, въ виду возникшаго при слѣдствіи сомнѣнія въ нормальности умственныхъ способностей обвиняемаго, онъ былъ освидѣтельствованъ установленнымъ порядкомъ въ окружномъ судѣ, который однако опредѣленіемъ отъ 19-го октября прошлаго года призналъ его совершенно здоровымъ, какъ во время освидѣтельствванія, такъ и во время совершения преступленія.

На судѣ обвиняемый далъ очень пространное и повидимому, вполне искреннее объясненіе. Онъ очень любилъ жену, не смотря на то, что она имѣла, какъ оказалось, грѣхи до замужества и вышла за него уже не дѣвушкой. Жили они очень дружно, и жена тоже его любила, по крайней мѣрѣ онъ былъ въ этомъ увѣренъ до самаго послѣдняго времени. Единственнымъ ихъ несчастіемъ было то, что у нихъ не было дѣтей, и это его очень огорчало. Онъ и въ Кіевъ возилъ жену, и къ докторамъ водилъ и къ знахарямъ, и кузьмичевой травой лѣчилъ. — ничто не помогало. Когда великимъ постомъ прошлаго года жена объявила ему, что она беременна, онъ такъ обрадовался, что даже пить бросилъ, а онъ пилъ съ 19-ти лѣтъ. Присланное изъ булочной Чуева письмо и странное поведеніе при этомъ жены возбудили въ немъ подозрѣніе и ревность, которыя поддерживались на смѣшками нѣкоторыхъ знакомыхъ. Онъ сталъ усовѣщевать жену и уговаривать сознаться въ грѣхѣ, обѣщая простить, съ тѣмъ, чтобы это больше не повторялось. Она наконецъ призналась, что имѣла грѣхи и даже разъ ходила съ однимъ мужчиной, даже неизвѣстнымъ ей, за 2 руб. Эти объясненія вызвали ссоры, и во время одной изъ нихъ Матрена сказала ему, что она ему больше не жена, и чтобы онъ искалъ себѣ другую. 7-го мая дѣло какъ будто уладилось, онъ сказалъ ей, что прощаетъ ее. Вдругъ ему опять вспомнилось, что жена его обманывала, да еще сама же объявила, что она ему теперь уже не жена. У него все вскипѣло, онъ схватилъ валявшійся на полу ножъ, подошелъ къ постели, взялъ жену за голову и, отвернувшись, потому что жалостно было смотрѣть ей въ лицо, перерѣзалъ ей горло. До этой минуты онъ и въ мысляхъ не имѣлъ убивать ее.

Въ московскихъ вѣстяхъ въ томъ же номерѣ мы читаемъ:

Дѣло о крестьянинѣ Сергѣѣ Егоровѣ Смирновѣ, обвинявшемся

въ убійствѣ жены, отчетъ о которомъ помѣщенъ сегодня въ судебной хроникѣ, окончилось въ первомъ часу ночи. Эксперты д-ра Боткинъ и Константиновскій нашли, что убійство совершено Смирновымъ въ состояніи патологическаго аффекта или умоизступленія, явившемся слѣдствіемъ продолжительнаго злоупотребленія спиртными напитками и чрезвычайно тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствъ. Товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія Смирнова въ умышенномъ убійствѣ и обвинялъ его только въ убійствѣ въ состояніи запальчивости и раздраженія. Присяжные засѣдатели признали Смирнова совершившимъ убійство въ состояніи умоизступленія, и окружный судъ опредѣлилъ отдать его на излѣченіе въ больницу для душевно-больныхъ впредь до полного выздоровленія.

Долго же придется лѣчиться Сергѣю Смирнову, такъ какъ здоровому человѣку еще труднѣе выздороветь, чѣмъ больному. Интересно было бы также знать: если Смирнова не помѣстятъ въ больницу для алкоголиковъ, то въ какую? Гг. судьи пришли къ заключенію, что онъ боленъ хроническимъ умоизступленіемъ, но хроническое умоизступленіе развѣ не то же, что буйное помѣшательство? Если же онъ дѣйствительно былъ бы боленъ этою болѣзнію, то давно былъ бы запертъ въ сумасшедшемъ домѣ и, ни предварительнаго заключенія, ни суда надъ нимъ быть бы не могло!

Вчера въ московскомъ окружномъ судѣ по II уголовному отдѣленію подъ пред. тов. председателя В. С. Абакумова съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло по обвиненію крест. Мологскаго уѣзда дер. Старова Василя Иванова Быкова 45 лѣтъ въ убійствѣ жены въ состояніи запальчивости и раздраженія. Обвинялъ тов. прокурора А. А. Югансонъ, защищалъ прис. пов. В. Н. Высоцкій. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ.

Василій Ивановъ Быковъ, по ремеслу паяльщикъ, давно уже живетъ въ Москвѣ и, какъ хорошій и исправный работникъ, имѣлъ всегда много заказовъ и хорошій заработокъ; были недѣли, когда онъ зарабатывалъ вмѣстѣ съ матеріаломъ рубли.

25 и болѣе, такъ что чистый его заработокъ доходилъ до 50, 60 р. въ мѣсяцъ. Зато въ семейной жизни ему совсѣмъ не повезло. Первая жена его, съ которой онъ прожилъ 10 лѣтъ, была женщина больная; на 32 году онъ остался вдовцомъ бездѣтнымъ и вступилъ во второй разъ въ бракъ съ крестьянкой подмосковнаго села Воробьева дѣвицею Надеждою Петровою Бюченковой, которой было тогда ооколо 20 лѣтъ. Вышла замужъ Надежда Петрова безъ принужденія по доброй волѣ; матеріальныя условія ея новой жизни были гораздо лучше прежнихъ, потому что семья ея была бѣдная, мужъ любилъ ее и, несмотря на все это, она съ первыхъ же дней супружества начала пить, Дня не проходило, чтобы она не напивалась иногда и по два раза въ день. Мужъ уговаривалъ ее, просилъ, иногда и училъ, т.-е. попросту билъ, но ничто не помогало Надежда Петрова пила все больше и больше и старалась и мужа втянуть въ пьянство. Какъ только она напѣтся, сейчасъ начнетъ приставать къ мужу, прося его выпить. Отъ отказывается, убѣждаетъ и ее не пить больше, указывая на то, что у нихъ въ домѣ ничего нѣтъ, но случалось, что и не выдержать, выпьетъ, а потомъ со зла и совсѣмъ напѣтся и иногда пьянствуетъ съ женою дня два, и потомъ опять принимается за работу. Такъ шло дѣло изо-дня въ день почти 17 лѣтъ. Надежда Петрова пропивала весь заработокъ мужа, пользуясь тѣмъ, что онъ, занятый съ 5-часовъ утра и до 10-ти вечера, не имѣетъ возможности ходить за покупками и къ закащикамъ и поневолѣ долженъ былъ посылать ее. А получать ей приходилось иногда и сразу не малыя для рабочаго человѣка деньги. Такъ, не дальше, какъ на масляницѣ этого года ей пришлось получить съ одного закащика 24 р., но на обратномъ пути напилась до безчувствія, попала въ участокъ и вернулась домой безъ гроша.

Нерѣдко доходила до того, что въ домѣ не оставалось ни гроша ни на хлѣбъ, ни на матеріалъ для работы. Тогда Надежда Петрова тащила закладывать или продавать вещи, какія попало, свои и мужнины и даже дѣтскія рубашенки. Все это привело къ тому, что Быковы, хотя самъ онъ работалъ не покладая рукъ, и зарабатывалъ не мало, жили въ постоянной нуждѣ, и въ августѣ прошлаго года съ двумя дочерьми 14 и 8 лѣтъ, должны были со своей отдѣльной хотя и небольшой квартиры переѣхать въ каморку къ сапожнику Иванову въ домъ Кайсарова у Сухаревой башни. Здѣсь все шло попрежнему: жена пила, а мужъ работалъ, иногда и онъ напивался.

Приближалась Пасха этого года, не сулившая ничего хорошего Быкову. Въ четвергъ на Страстной онъ и самъ напился вмѣстѣ съ женой. Проснувшись въ пятницу рано утромъ, 15-го апрѣля, онъ увидалъ, что жена встала раньше его и опять была уже пьяна; пожелалъ опохмелиться и онъ, жена взяла у него 20 коп. и принесла полбутылку водки, которую они и стали распивать. Въ разговорѣ Быковъ сталъ жаловаться, что на дворѣ великій праздникъ, всѣ готовятся къ нему, а у нихъ пьянство, да и готовиться то не на что—все пропито. Въ отвѣтъ на это Надежда Петрова стала ругаться и ушла изъ дому. Въ ея отсутствіе пришелъ дворникъ за какими-то 40 коп., которыя Быковъ давно отдалъ женѣ для передачи дворнику и которыя она, очевидно, прошила. Затѣмъ пришла старшая дочь Быкова, незадолго передъ тѣмъ отданная въ ученіе къ портнихѣ, за рубашкой, чтобы итти въ баню, но оказалось, что и рубашку ея мать заложила за 20 коп. у кого-то изъ сосѣдей. Поплакавъ Быковъ вмѣстѣ съ дочерью и отдалъ ей послѣднія деньги на выкупъ рубашки. Вскорѣ послѣ ухода дочери явилась Надежда Петрова, еле держась на ногахъ. Младшей дочери не было дома, она ушла куда-то еще съ утра. Быковъ сталъ укладывать жену на постель, стегалъ ее при этомъ желѣзною полосой, но такъ какъ самъ не былъ трезвъ и былъ малосилень, не могъ поднять ее на постель, и она заснула на полу. Въ это время къ Иванову, квартирному хозяину Быкова, пришелъ церковный староста съ кружкой и какой-то торговецъ масломъ, и Ивановъ притворилъ дверь въ каморку, чтобы посторонніе не могли видѣть лежащей на полу въ растерзанномъ видѣ Быковой. Въ каморкѣ въ это время все было тихо, но не прошло и 15-ти минутъ, какъ дверь отворилась, и появившійся на порогѣ Быковъ, въ которомъ въ эту минуту не осталось и слѣда хмеля, сказалъ: „Хозяинъ, посылай въ участокъ, я зарѣзалъ жену“. „Что это ты надѣлалъ!“ воскликнулъ изумленный и испуганный Ивановъ. Быковъ сказалъ только, — „измучила она меня“ и сѣлъ. Прибывшій вслѣдъ затѣмъ околоточный надзиратель арестовалъ Быкова и отвелъ его въ участокъ, а къ трупъ Быковой приставилъ городскихъ. У Быковой оказалось перерѣзаннымъ горло, и смерть ея, по заключенію врача, послѣдовала отъ остраго малокровія вслѣдствіе перерѣза сонной артеріи и венъ. Быковъ, признавая себя виновнымъ въ причиненіи смерти женѣ, объяснилъ, что какъ ни былъ онъ измученъ поведеніемъ жены, но убивать ее вовсе не намѣревался и самъ не

можетъ дать себѣ отчета, какъ это случилось. Когда онъ сидѣлъ въ каморкѣ надъ безчувственно пьяною женой и задумался надъ тѣмъ, что имъ и праздникъ-то не придется встрѣтить, какъ слѣдуетъ, его взяло такое раздраженіе, что и самъ не помнитъ, какъ схватилъ лежавшій тутъ на столѣ ножъ и ударилъ имъ жену, и какъ увидаль кровь, хмель съ него соскочилъ. Вердиктомъ присяжныхъ Быковъ оправданъ*).

Попробовала бы только жена раздѣлаться такимъ образомъ съ своимъ пьяницей-мужемъ, о, тогда присяжные отнесли бы къ дѣлу совершенно иначе!

Утромъ 17 марта сего 1897 года въ Адмиралтейскую больницу г. Казани была доставлена въ безсознательномъ состояніи кр. Анна Герасимова Максимова, которая черезъ часъ по доставленіи ея въ больницу умерла.

Городовой врачъ Борисовъ, производившій судебно-медицинскій осмотръ тупа Максимовой, пришелъ къ заключенію, что смерть ея послѣдовала отъ кровоизліянія въ полость черепа, высказавъ при этомъ слѣдующія положенія: 1) что поврежденіе это нанесено за день или въ день смерти, 2) что побои по головѣ, вызвавшіе собою кровоизліяніе въ полость черепа, должны быть отнесены къ тяжкимъ, 3) что поврежденія эти могли произойти отъ ударовъ кулакомъ и ногою, обутою въ сапогъ, и что въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ указаній на исключительную особенность организма Максимовой, которой можно бы было приписать вліяніе на смертельный исходъ поврежденія головы.

Предварительнымъ слѣдствіемъ было установлено, что вечеромъ 16 марта наканунѣ смерти Максимовой, въ домѣ мужа ея были гости, приглашенные Максимовымъ мѣщане Дмитрій Дмитриевъ и Николай Михайловъ, а затѣмъ пришла кр. Фекла Егорова. Въ это время Анна Максимова предложила Дмитріеву жениться на кр. Анфисѣ Тюриковой. Мужъ, упрекая свою жену въ сводничество, сталъ ее ругать (а водку, которую всѣ пили вмѣстѣ, спряталъ). Обмѣнявшись затѣмъ ударами съ Дмитріевымъ, онъ бросился на жену съ кулаками и сталъ ее бить по головѣ, а когда она свалилась, онъ сталъ ее толкать ногами до тѣхъ поръ,

*) Дѣло это кассировано Сенатомъ.

пока его не остановилъ свидѣтель Михайловъ. Дмитріевъ же еще ушелъ раньше. Утромъ на другой день домохозяинъ Бугровъ, узнавъ, что Максимова находится въ безсознательномъ состояніи отъ побоевъ, заявилъ объ этомъ полиціи.

Подсудимый виновнымъ себя не призналъ, но въ свое оправданіе заявилъ, что побилъ онъ жену потому, что заподозрилъ ее въ измѣнѣ, такъ какъ онъ, возвратившись въ комнату, увидалъ, что жена его лежитъ на постели вмѣстѣ съ Дмитріевымъ, а другой гость, Михайловъ, въ это время валилъ Егорову на лавку.

Присяжнымъ засѣдателямъ былъ поставленъ вопросъ: виновенъ ли крестьянинъ Ядринскаго уѣзда села Балдаева и той же волости Трофимъ Семеновъ Максимовъ, 39 л., въ томъ, что вечеромъ 16 марта сего 1897 года въ квартирѣ своей въ Ягодной слободѣ г. Казани умышленно нанесъ кулаками и ногами женѣ своей рядъ подвергающихъ жизнь опасности тяжкихъ побоевъ по головѣ, послѣдствіемъ коихъ была ея смерть.

Присяжными засѣдателями былъ вынесенъ оправдательный вердиктъ.

Чтобы покончить съ этими грустными отчетами и въ доказательство того, какъ дешева въ глазахъ гг. присяжныхъ женская жизнь, приведемъ курьеза ради, въ краткихъ словахъ, одно совсѣмъ несложное дѣло, о которомъ мы читали года три-четыре тому назадъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“:

Случилось это на одной изъ подмосковныхъ фабрикъ. Молодой фабричный парень заколотилъ до смерти такъ, ни съ того ни съ сего, рѣшительно ничѣмъ передъ нимъ не провинившуюся молодую фабричную дѣвушку легкаго поведенія. „Разъ пятьдесятъ ее кулакомъ ударилъ“, показывали на судѣ свидѣтели этого варварскаго истязанія, не подумавшіе, конечно, вступиться за несчастную жертву. „Ничего, парень хорошій“, одобряли свидѣтели убійцу. Присяжные вынесли „хорошему парню“ оправдательный вердиктъ.

Многое множество можно было бы привести еще такихъ дѣлъ, но не довольно ли этихъ кровавыхъ исторій? Кто ихъ не читалъ? Кто о нихъ не слышалъ? Кто не былъ пораженъ тѣмъ, съ какимъ снисхожденіемъ, доходящимъ до потаканія, относятся присяжные къ мужьямъ - преступникамъ, какъ охотно и какъ часто гг. присяжные засѣдатели оправдываютъ женоубійць?

Мы очень далеки отъ того, чтобы умиляться передъ этими черезъ-чуръ милостивыми приговорами, этими оправдательными вердиктами: отъ нихъ вѣтъ пренебреженіемъ къ женщинѣ и сочувствіемъ къ ея мучителямъ, и если г. Джаншіевъ въ своей статьѣ „Судъ надъ судомъ присяжныхъ“ на стр. 99 справедливо утверждаетъ, что этотъ послѣдній „пользуется полнымъ довѣріемъ русскаго народа“, то каково же такіе приговоры должны деморализировать народныя массы! Это выходитъ какая-то травля беззащитныхъ женщинъ, какое-то поощреніе убійства. Такія поголовныя оправданія убійствъ мужьями женъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ, укореняютъ въ народѣ варварскій предразсудокъ, что женщину, возбудившую ревнивыя подозрѣнія своего мужа или просто любовника, слѣдуетъ убивать.

Во Франціи до сихъ поръ имѣетъ силу статья 324 Наполеонова кодекса, по которой убійство мужемъ жены и соперника, застигнутыхъ имъ на мѣстѣ преступленія подъ супружескою кровлей, считается извинительнымъ.

Вотъ что говорить по этому поводу извѣстный французскій писатель Леопольдъ Лакуръ: „Сколько разъ во многихъ обзорѣніяхъ указывалъ я, къ сожалѣнію безуспѣшно, на гнусность параграфа 324. Присяжные, принадлежа къ мужскому полу, всѣ имѣ-

ють это право убійства и обыкновенно толкуютъ законъ въ пользу мужа, уличившаго свою жену въ измѣнѣ и только для формы привлеченнаго къ отвѣтственности за устраненіе обманщицы. Такъ понимаются права законнаго супруга въ 1896 г.

Нечего и говорить, что къ женѣ, убившей мужа при такихъ же обстоятельствахъ, подъ тою же супружескою кровлей, законъ неумолимъ. Бываютъ, правда, случаи, когда присяжные почувствуютъ состраданіе, но для этого надо, чтобы преступница была молода, красива, чтобы она предстала передъ присяжными, на скамьѣ подсудимыхъ, какъ хорошая драматическая актриса, или, чтобы исторія ея, выяснившаяся на судѣ, была до такой степени ужасна, что выжала бы слезы у самого прокурора, товарища прокурора, у повѣреннаго истца.

Статья 324 въ своей преступной растяжимости снисхожденія къ мужчинамъ какъ бы побуждаетъ къ совершенію убійства такихъ мужей, которые отлично противостали бы своему желанію „раздѣлаться“ съ виновной если бы были убѣждены не въ своей ненаказуемости, а въ противоположномъ. Въ такъ называемомъ порывѣ ревности три четверти нашихъ Отелло сохраняютъ достаточную ясность мышленія, чтобы вспомнить о томъ, что они будутъ оправданы на основаніи закона...

Будьте увѣрены, что не только тремъ четвертямъ, но девяти десятымъ изъ ста нашихъ узаконенныхъ убійцъ неистовый порывъ не помѣшаетъ взвѣсить обстоятельства („Humanisme integral“, стр. 191. Leopold Lacombe“).

По нашему законодательству убійство жены мужемъ наказуется *наравнѣ* съ убійствомъ мужа женою,

строже обыкновеннаго убійства, и такое полное снисхожденіе къ женоубійцамъ введено у насъ присяжными, что, конечно, не остается безъ вреднаго вліянія на народную нравственность. Въ доказательство этого положенія считаемъ не лишнимъ привести здѣсь бесѣду каторжниковъ изъ „Записокъ бывшаго каторжника“, Л. Мельшина. Талантливый рассказъ этотъ, подъ заглавіемъ „Изъ міра отверженныхъ“ напечатанный въ 1896 г., теперь вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ и пользуется большимъ успѣхомъ у читающей публики. Поводомъ къ бесѣдѣ послужило повѣствованіе одного изъ каторжниковъ о совершенномъ имъ убійствѣ; повѣствованіе это мы и передаемъ здѣсь цѣликомъ.

„Въ теченіе трехъ лѣтъ жилъ Парамонъ Малаховъ съ лишеніемъ правъ въ Иркутской губ., занимаясь, какъ и теперь, бондарнымъ ремесломъ. Тамъ онъ слобился съ одною дѣвушкой, пріемышемъ мѣстнаго крестьянина. Ходили темные слухи, будто крестьянинъ живетъ съ своею пріемною дочерью, но Парамонъ пренебрегъ этими слухами и взялъ только съ своей невѣсты слово, что если и было что въ прошломъ между нею и отцомъ, то впредь ничего этого не будетъ, и она будетъ ему вѣрною женой. Свадьба обошлась Парамону, по его словамъ, въ 75 р., и этому обстоятельству онъ придавалъ большое значеніе. Первые три мѣсяца молодые супруги жили дружно и любовно, но потомъ опять стали ходить слухи объ отношеніяхъ Катерины съ отцомъ. Парамонъ побилъ ее разъ, побилъ и другой и уговаривалъ не дурить. И вотъ, въ одинъ прекрасный день она совѣмъ убѣжала къ отцу. Сосѣди начали смѣяться надъ Парамономъ. Къ чувству обиды примѣшивалось и сожалѣніе о потраченныхъ напрасно деньгахъ.

„Въ первое же воскресенье, — рассказывалъ Парамонъ, — одѣлся я въ праздничную одежду и пошелъ къ тестю окончателно переговорить о своемъ дѣлѣ. Что-нибудь одно хотѣлось узнать: или что Катерина одумается и броситъ свое распутство, или совѣмъ отъ меня откажется, и тогда они должны были вернуть мои деньги. Что касается до убійства, то это я еще на-двое держалъ въ умѣ и такъ только, про случай, заложилъ за го-

ляжку ножъ. Обоихъ ихъ я на улицѣ встрѣтилъ передъ самымъ домомъ: изъ церкви отъ обѣдни шли. Я подхожу. Такъ и такъ молъ, говорю я, потолковать съ тобою Степанъ, пришелъ. „Знаю, говорить, о чемъ ты толковать хочешь. Только мое тутъ дѣло сторона. Если не хочеть жить съ тобою, что я могу подѣлать?“— Поди-ка, говорю, сюда, Катерина, мнѣ сказать тебѣ нужно. Говорю это тихо такъ и спокойно, къ сторонѣ ее маю. Вотъ, ей - Богу, не вру, никакой, то-ись, дурной мысли въ головѣ еще не держу. А она, стерва... она хватаетъ за руку своего любовника и тащить домой. „Нѣтъ, говорить, не хочу, не объ чемъ намъ говорить“. Тутъ выиграло во мнѣ сердце, горячею кровью облилось. Я тоже хватаю ее за руку и тяну къ себѣ. Такъ и стоимъ мы среди улицы,—ну, вотъ честное слово, правда!—Я за одну ее руку держу, онъ за другую. Поворачивается она тогда лицомъ ко мнѣ и говоритъ: „Уйди, подлець, не то закричу, въ рожу плевать стану“.

— А! такъ я подлець?!—нагибаюсь, выхватываю изъ-за голенища ножъ и—разъ, разъ!—въ грудь ей по самый черенокъ два раза ножъ запустилъ. Онъ, любовникъ ея, хотѣлъ было кинуться на меня... Я размахнулся—и его ножомъ въ животъ. Онъ тутъ же и скovyрнулся на землю—и духъ вонъ. А Катерина... Та, шкура, настолько живуча была, что еще до дверей избы добѣжать успѣла. Тутъ я догналъ ее и еще разъ въ спину польснулъ: не живи, змѣя подколодная!“

Слушатели, всѣ безъ исключенія, были въ полномъ восторгѣ отъ такого поступка Парамона и высказывали ему горячее одобреніе: такъ ей и надо, коли не умѣла жить честно—ѣшь землю, лежи съ своимъ любовникомъ, цѣлуйся съ нимъ!

Никому и въ голову не приходило задаться вопросомъ о томъ, какая внутренняя драма могла происходить въ душѣ Катерины, какія причины толкнули ее на разрывъ съ законнымъ мужемъ. Ни у кого не являлось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что бракъ ея съ Парамономъ имѣлъ одну цѣль—отводъ глазъ, что она все время его обманывала—и тѣ полгода, которые онъ былъ женихомъ, и тѣ пять мѣсяцевъ, которые былъ мужемъ.

— Она на другой день поутру померла,—продолжалъ свой рассказъ Малаховъ:—вся деревня, вся до одного человѣка за меня стояла, арестовать даже не хотѣли. „Ты и такъ, говорить, не убьешь; не такой человѣкъ“. Я ужъ самъ настоялъ, чтобы арестовали. Катерина, оказалось, на сносяхъ была, ужъ не знаю, отъ

кого—отъ его или отъ меня, и я за тройное убійство судился: за нее, за любовника и за младенца. На судъ я все обсказалъ правильно, все какъ было, ничего не утаилъ, и даже судьи сожалѣніе мнѣ выражали... И хоть приговорили меня къ 6 годамъ, *но я это за то же оправданіе считаю*. Шестъ лѣтъ за три души—это оправданіе! Потому что я праведно поступилъ за свою обиду, за свой позоръ и за свои деньги убилъ. Я честно поступилъ!

Пытался я вставить нѣсколько словъ въ осужденіе убійства вообще, но этимъ только окончательно озлилъ Парамона, и онъ, не желая меня слушать, восклицалъ патетически:

— Я правильно поступилъ! И всякій долженъ сказать: молодецъ, Парамонъ! Артистъ, Парамонъ! Герой, Парамонъ!

— Возможно,—отвѣчалъ я:—я вѣдь не думаю винить васъ. Я говорю только, что все-таки лучше бы было не убивать.

— Нѣтъ, надо было убивать!—кричалъ весь раскраснѣвшійся Парамонъ, энергично потрясая своею огромною черною бородой и ударяя себя кулакомъ въ грудь:—надо было убивать, и весь міръ скажетъ: хорошо сдѣлалъ Парамонъ! Орель, Парамонъ! Отелло, Парамонъ!...

Я переставалъ спорить, и Малаховъ сіялъ полнымъ блескомъ торжества и побѣды. Арестанты рѣшительно всѣ были на его сторонѣ. Гончаровъ не преминулъ по этому поводу разсказать какое-то событіе изъ собственной жизни, тоже свидѣтельствовавшее о необыкновенной глупости и подлости женщинъ. Кто-то другой, вызвавъ въ камерѣ общій смѣхъ и веселость, разсказалъ затѣмъ, какъ по-звѣрски расправился онъ однажды съ своею любовницей.

— Я ее въ боковину, подъ ребра, подъ мякитки, въ брюхо, опять въ боковину...

Я не могъ слушать и заткнулъ уши. Черезъ нѣкоторое время я задалъ, однако, вопросъ Семенову: какъ, по его мнѣнію, долженъ относиться мужъ къ женѣ и что дѣлать въ случаѣ ея невѣрности?

Семеновъ удивился.

— А неужели жъ прощать ей? Чтобъ она, подлюха, смѣялась надо мною? Да лучше жъ я сейчасъ отрублю ей, шкурѣ, голову, какъ только подозрѣніе явится.

— А вы, Владиміровъ, какъ думаете?—обратился я къ нашему поэту, который все время молчалъ и, казалось сонливо, лежалъ на нарахъ, Богъ зная о чемъ думая и гдѣ витая. Мед-

вѣжѣ Ушко, по обыкновенію, долго отмалчивался и отпѣкивался, говоря, что ничего не знаетъ и не думаетъ, но потомъ вдругъ поднялся съ мѣста, замоталъ головой и забасилъ такъ, что у меня явилось опасеніе за свою барабанную перепонку:

— А, конечно, убить ее надо!.. Жена повиноваться должна... Не мужу жъ бояться жены! („Изъ міра отверженных“, стр. 193).

Намъ замѣтять, быть можетъ, что это разговоръ каторжниковъ, но кто же такое каторжники, какъ не болѣе сильные выразители отрицательныхъ сторонъ даннаго общества?

Правда, приведенные нами примѣры взяты изъ быта мелкихъ невѣжественныхъ людей, но если мы выше поднимемся по соціальной лѣстницѣ, то и тамъ увидимъ то же самое. Дѣйствительно, несогласія между супругами доходятъ здѣсь рѣже до кровавой развязки, но отношеніе присяжныхъ засѣдателей къ этой категоріи преступленій носить все тотъ же характеръ. Достаточно припомнить шедшій недавно въ Петербургъ процессъ о женоубійствѣ, гдѣ фигурировали лица, принадлежащія къ высшей столичной интеллигенціи. А оправданіе присяжными женоубійцы Поздышева, развѣ это не одно изъ общественныхъ явленій, отмѣченныхъ въ ряду многихъ другихъ нашимъ великимъ писателемъ?

Часть II.

Совершенно другой критерій прилагается присяжными къ подсудимымъ, если они имѣютъ несчастіе принадлежать къ слабому полу, если женщина обвиняется въ мужеубійствѣ, тогда не только снисхожденію со стороны присяжныхъ, но даже простой справедливости мало остается мѣста, и жену-преступницу ожидаетъ строгая кара, вѣроятно, въ назиданіе другимъ женамъ, „чтобъ не повадно было“, какъ выражались встарину.

Имѣютъ ли, однако, гг. присяжные засѣдатели основаніе примѣнять относительно женщинъ эту систему застращиванья, осуждая ихъ безъ снисхожденія и тѣмъ самымъ приговаривая ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія?

По даннымъ свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, за періодъ 1876 — 85 гг., (говоритъ г. Оровичъ въ своей книгѣ „Женщина въ правѣ“), разработаннымъ проф. Фойницкимъ, среди осужденныхъ общими судебными установленіями женщины составляли едва одну одиннадцатую часть, именно 9,09% (около восьмой части общаго числа осужденныхъ).

Такимъ образомъ какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ женщина проявляетъ преступность приблизительно въ пять—восемь разъ меньшую, чѣмъ мужчина. Преступность русскихъ женщинъ значительно слабѣе ихъ западно-европейскихъ сестеръ, — сравнительно съ нѣкоторыми странами почти въ два раза. Весьма многіе ученые, какъ-то: Бонневиль де-Мерсанжи, Тардъ, Файэ, Валентини, у насъ Тарновскій и т. д., заключаютъ на основаніи своихъ изслѣдованій, что женщины вообще болѣе нравственны, чѣмъ мужчины, а Бонневиль де-Мерсанжи на этомъ основаніи даже находитъ возможнымъ требовать примѣненія болѣе мягкой уголовной репрессіи по отношенію къ женщинамъ, какъ менѣе преступному элементу въ обществѣ.

Мы далеки отъ того, чтобы ставить женщину за ея меньшую преступность на пьедесталь. Причиной ея меньшей преступности мы готовы признать не столько ея высокія нравственныя качества, сколько ея приниженную покорность своимъ повелителямъ и своей судьбѣ, сколько ея безконечную выносливость какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Мы готовы согласиться съ профессоромъ Анучинымъ, когда онъ говоритъ, что... „главная причина меньшей вѣроятности преступленія для женщины заключается въ томъ, что при существующихъ условіяхъ общественнаго положенія, оно, сравнительно съ мужчиной, находится подъ вліяніемъ меньшей суммы впечатлѣній и ощущеній, способныхъ возбудить въ ней мысль о преступленіи и доставить ей средства и случаи привести ее въ волненіе“. Все это вѣрно, но это еще не даетъ права и основанія гг. присяжнымъ относиться къ женщинамъ строже, чѣмъ къ мужчинамъ. Здѣсь кстати

будетъ привести много-знаменательныя слова французскаго государственнаго дѣятеля Бомарше: „Зачѣмъ думать, будто женщины по самой сущности своей натуры никогда не могутъ достигнуть совершеннолѣтія? Когда надо наказывать ихъ за что-нибудь, съ ними поступаютъ вѣдь какъ со взрослыми, а не какъ съ малолѣтними. За ними тогда признаютъ умъ и злую волю. На нихъ тогда смотрятъ, какъ на личности самостоятельныя, правоспособныя и вполнѣ отвѣтственныя за свои дѣйствія. Какъ хотите, а это не послѣдовательно.“ Намъ могутъ возразить, что присяжные не обязаны знать, что говорилъ Бомарше, — да, пожалуй, но это заключеніе знаменитаго французскаго писателя, казалось, должна была бы подсказать каждому здравомыслящему человѣку его собственная совѣсть. „Особенно сильная вѣроятность для женщинъ супругоубійства“ — говоритъ далѣе профессоръ Анучинъ (Женщина въ правѣ, Я. Оровичъ, стр. 116), — „зависитъ отъ общественнаго и семейнаго положенія нашей женщины. Господствующій въ низшихъ сословіяхъ обычай отдавать дѣвицъ замужъ безъ ихъ согласія, даже насильно, жестокое обращеніе мужа съ женой, желаніе освободиться отъ жестокаго или нелюбимаго мужа, — вотъ условія, въ которыхъ кроется причина мужеубійства...“

Какъ рѣдко женщина рѣшается на преступленіе, это мы уже знаемъ изъ статистическихъ данныхъ, она большею частью покоряется безропотно своей горькой участи. Немногія изъ женщинъ ищутъ выхода изъ своего невыносимаго положенія и, не находя для этого легальныхъ способовъ, прибѣгаютъ иногда къ нелегальнымъ средствамъ. Эти неразумныя, опрометчивыя попытки, конечно, только ухудшаютъ ихъ и безъ

того нерадостное существованіе. Въ № 200, 92 г. „Русск. Вѣд.“ мы читаемъ слѣдующее:

Вчера, 21 іюля, въ I уголовномъ засѣданіи московскаго окружнаго суда, подъ предѣдательствомъ П. С. Кларка, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слушалось дѣло по обвиненію крестьянки Каширскаго уѣзда Свириной, 37 лѣтъ, въ прожительство въ Москвѣ по чужому виду. Обвиняемая и на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ созналась, что болѣе полугодомъ проживала въ Москвѣ, въ Тверской части, въ услуженіи по паспорту своей односельчанки Чуксиной, и объяснила, что вынуждена была на это жестокимъ обращеніемъ съ нею мужа, который каждый день безъ всякаго повода не только билъ ее тѣмъ попало, но даже кусалъ ее и рвалъ зубами тѣло. „Вотъ и сейчасъ я,—говорила Свиринина,—хоть осмотрѣть извольте, вся искутана“. Паспорта ей мужъ не велѣлъ давать, и, чтобы отдѣлаться отъ него хотя на время, она ушла въ Москву съ паспортомъ крестьянки Чуксиной и жила въ услуженіи, пока на нее не донесли. Судъ призналъ Свирину виновною и приговорилъ ее къ аресту при полиціи на три дня.

Когда Свиринина отбудетъ срокъ наказанія, тѣло ея снова будетъ отдано на растерзаніе псу, то бишь, ея супругу, который за время ея отсутствія, вѣроятно, успѣлъ хорошо наточить на нее зубы.

Нижній-Новгородъ. На-дняхъ въ одномъ изъ трактирныхъ заведеній Милліонной улицы агентами сыскной полиціи задержана подозрительная личность,—молодой парень, въ ситцевой рубашкѣ, цвѣтныхъ шароварахъ и штиблетахъ. При немъ не оказалось паспорта. Когда неизвѣстный доставленъ былъ въ полицію, и его спросили о званіи, то оказалось, что это—женщина, крестьянская жена Михайлова, изъ деревни Спѣшневой, Княгининскаго уѣзда. На разпросы она заявила, что ей 20 лѣтъ, съ мужемъ она разошлась и надѣла мужское платье. Благодаря этому, она занимается на мужскія работы и исполняетъ ихъ наравнѣ съ мужчинами: таскаетъ кули на баржахъ и проч. Михайлова вполне освоилась съ званіемъ мужчины, и по внѣшнему виду въ ней трудно признать женщину. Какъ не имѣющая паспорта, она будетъ препровождена на родину (Волг.).

Неизвѣстно, рвалъ ли также супругъ зубами крестьянку Михайлову, но во всякомъ случаѣ многое она должна была претерпѣть, прежде чѣмъ рѣшиться на такое переодѣванье. И сладко ли ей придется, когда она будетъ „препровождена на родину“?

Но не о этихъ неудачницахъ идетъ теперь рѣчь; какъ въ первой части нашего изслѣдованія мы представили читателю нѣсколько взятыхъ изъ судебной хроники различныхъ газетъ отчетовъ о процессахъ, гдѣ обвинялись супругоубійцы мужского пола,—такъ теперь мы намѣрены представить читателю нѣсколько отчетовъ о дѣлахъ по обвиненію въ супругоубійствѣ лицъ женскаго пола. Цѣль, для которой мы приводимъ и тѣ и другія отчеты, нами, кажется, уже достаточно выяснена, и мы приступимъ къ извлеченію изъ судебныхъ хроникъ.

17-го іюня въ выѣздной сессіи с.-петербургскаго окружнаго суда разсматривалось дѣло объ убійствѣ женою, совмѣстно съ своимъ любовникомъ, мужа. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли красивая, молодая крестьянка и молодой, здоровый 22-хъ-лѣтній паренъ. Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя с.-петербургскаго окружнаго суда Н. А. Чебышевъ, обвинялъ товарищъ прокурора Шенфельдъ, защищали подсудимыхъ: Ирину Шишову — помощникъ присяжнаго повѣреннаго Бинштокъ, а Большакова — помощникъ присяжнаго повѣреннаго Изнаръ. По обвинительному акту сущность настоящаго дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ.

10-го октября 1896 года двое изъ стрѣльнинскихъ дачевладѣльцевъ, торопецкій мѣщанинъ Никифоровъ и отставной полковникъ Лукашевичъ, катаясь на лодкѣ по рѣчкѣ Стрѣлкѣ, замѣтили недалеко отъ желѣзнодорожнаго моста, на днѣ рѣчки, какой-то подозрительный предметъ и, взглянувъ въ него внимательнѣе, они увидѣли подъ водой трупъ человѣка. Лукашевичъ немедленно далъ знать объ этомъ мѣстной полиціи и, по прибытіи пристава 1-го участка Петергофскаго уѣзда Бронющепъ-Рецкаго, утопленникъ былъ вытасченъ изъ рѣчки; при из-

влеченіи его изъ воды отъ него оторвался большой камень около пуда, который былъ привязанъ веревкой къ шеѣ и животу трупа. Въ вынутомъ изъ воды утопленникѣ приставѣ и присутствовавшіе понятые признали крестьянина Тверской губ., Весьегонскаго уѣзда, Щербовской волости, дер. Неедова, Ивана Антоновича Шишова, который до того считался безъ вѣсти пропавшимъ, такъ какъ 18-го сентября 1896 года жена его, Ирина Сергѣева, заявила полиціи, что мужъ ея, выйдя 11-го сентября изъ пріемнаго покоя, гдѣ онъ лѣчился отъ нанесенныхъ ему въ августѣ ранъ и побоевъ, 15-го того же сентября уѣхалъ въ Петербургъ и болѣе домой не возвращался.

При судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи трупа Шишова на лбу его обнаружена была свѣжая рана, изъ которой сочилась кровь, а на правой сторонѣ черепа и въ правой височной области значительная припухлость и кровоподтеки. Слѣдовъ борьбы на трупѣ усмотрѣно не было. При вскрытіи внутреннихъ органовъ врачъ обнаружилъ застойную гиперемію легкихъ, содержаніе въ нихъ пѣнистой жидкости и вздутіе ихъ, вслѣдствіе чего и пришелъ къ заключенію, что Шишовъ былъ во время сна оглушенъ ударомъ по головѣ, отчего впалъ въ обморочное состояніе, въ каковомъ состояніи и былъ брошенъ въ воду съ привязаннымъ на шею камнемъ, и смерть его послѣдовала отъ утопленія; въ водѣ Шишовъ, по заключенію врача, пробылъ не менѣе 2-хъ недѣль. Осмотромъ трупа Шишова, мѣста, гдѣ онъ былъ найденъ, и бывшей его квартиры обнаружено: трупъ, сильно испачканный иломъ и одѣтый въ одну лишь рубаху и подштанники, найденъ въ правомъ рукавѣ рѣчки Стрѣлки, въ ста саженьяхъ отъ желѣзнодорожнаго моста и шагахъ въ ста отъ дома Десятовой, на задворкахъ каковаго дома, въ деревянной будкѣ, проживалъ въ послѣднее время передъ смертью Шишовъ; въ будкѣ этой, на полу, найдены два большихъ темнобурыхъ пятна, величиною въ копеечную монету каждое, и такія же два пятна найдены на сидѣннѣ одного стула; при химико-микроскопическомъ изслѣдованіи этихъ пятенъ, они оказались каплями крови млекопитающагося; въ вещахъ Ирины Шишовой вещей и платья ея мужа не оказалось, кромѣ двухъ рубахъ грубаго синяго холста, однихъ подштанниковъ и стараго, совершенно изорваннаго пальто.

При первоначальномъ допросѣ въ полиціи Ирина Шишова объяснила, что ей ничего неизвѣстно объ обстоятельствахъ

смерти ея мужа, а затѣмъ созналась въ его убійствѣ, объяснивъ, что убилъ Шишова въ ночь съ 14-го на 15-е сентября и затѣмъ бросилъ трупъ его въ воду, при ея участіи, ея любовникъ крестьянинъ Тверской губ., Новоторжскаго уѣзда, Никольской волости, села Куклино, Дмитрій Купріяновъ Большаковъ, который сейчасъ же послѣ убійства уѣхалъ въ Москву, гдѣ поступилъ въ дворники. При дальнѣйшемъ производствѣ предварительнаго слѣдствія было выяснено, что Шишovy состояли въ супружествѣ 12 лѣтъ, дѣтей не имѣли, женились по обоюдному согласію и любви и до 1895 года жили хорошо и дружно. Шишовъ, по отзывамъ его односельчанъ, былъ человекъ тихій и хорошій, и незамѣтно было, чтобы онъ предавался пьянству; жена его любила погулять и, по слухамъ, ходившимъ въ деревнѣ, уже на второй годъ своего супружества, когда мужъ ея былъ на заработкахъ въ Петербургѣ, заводила себѣ дружковъ, но слухи объ этомъ не дошли до Шишова, и, вернувшись въ деревню, онъ взялъ жену съ собой въ Петербургъ, гдѣ и поселился съ нею на постоянное жительство. Въ 1895 г. Шишовъ поступилъ на службу на станцію Стрѣльна желѣзнодорожнымъ сторожемъ и помѣстился съ женой рядомъ со станціей, въ желѣзнодорожной будкѣ, куда къ нимъ вскорѣ переѣхалъ жить станціонный сторожъ Дмитрій Купріяновъ Большаковъ; жена Шишова, Ирина Сергѣева, вступила въ связь съ Большаковымъ, и скоро слухи объ этой связи распространились по окрестности, тѣмъ болѣе, что Большаковъ и Ирина не скрывали своихъ отношеній: многіе заставляли ихъ вмѣстѣ и въ будкѣ, и въ сараѣ. Слухи эти дошли и до Ивана Шишова, но вначалѣ онъ имъ не вѣрилъ и не придавалъ никакого значенія до тѣхъ поръ, пока въ октябрѣ мѣсяцѣ не засталъ ихъ вдвоемъ на своей постели. Жену Шишовъ тутъ же избилъ, не сказавъ при этомъ ни слова Большакову, который на другой день послѣ этого случая отъ нихъ переѣхалъ. Съ этого дня между Шишовыми начались постоянныя ссоры и несогласія, и отношенія ихъ крайне обострились. Вскорѣ послѣ описаннаго случая Шишовъ бросилъ службу и уѣхалъ въ деревню, потому что, какъ онъ самъ говорилъ своимъ пріятелямъ, ему въ Стрѣльнѣ жить было болѣе невозможно, такъ какъ каждый ему изъ-за жены глаза кололо. Въ деревнѣ Шишова никто не узналъ: до того онъ перемѣнился; онъ очень горевалъ, тосковалъ, плакалъ и, никогда не пьянствовавъ ранѣе, сталъ сильно запивать. Мѣсяца черезъ полтора онъ выписалъ къ себѣ

жену, которая, оставаясь безъ него въ Стрѣльнѣ, продолжала свою связь съ Большаковымъ и, пріѣхавъ въ деревню, родила отъ него ребенка. Въ деревнѣ Ирина Сергѣева поселилась отдѣльно отъ мужа, у своихъ родныхъ, и *просила у него отдѣльнаго паспорта*, но Шишовъ ей его не давалъ, не желая пускать ее одну въ Петербургъ. Продавъ въ деревнѣ свой домъ, потому что, какъ онъ говорилъ, ему все равно съ женой въ немъ не жить, Шишовъ опять уѣхалъ въ Петербургъ и послѣ Пасхи 1896 года снова поселился въ Стрѣльнѣ, куда въ скоромъ времени пріѣхала къ нему и жена его съ ребенкомъ. Ребенка этого Шишовъ очень любилъ и даже болѣе, чѣмъ мать его, хотя зналъ, что онъ не его, а Большакова, и очень горевалъ, когда ребенокъ этотъ въ іюль 1896 года умеръ. Въ Стрѣльнѣ Шишовъ за это время опредѣленныхъ занятій и мѣста не имѣлъ, а занимался поденною работою на желѣзной дорогѣ. Въ это время онъ жилъ сравнительно мирно съ женой, хотя иногда и ссорился съ ней и въ пьяномъ видѣ колотилъ ее; вообще же онъ былъ постоянно очень грустенъ, лѣниво работалъ и сталъ часто запивать, говоря: „не я пью, горе мое пьетъ“. Послѣ нападенія на него въ стрѣльнинскомъ паркѣ онъ подозрѣвалъ, что на него напалъ Большаковъ, и многимъ говорилъ, что это дѣло рукъ Большакова, вина при этомъ во всемъ жену, но допрошенный въ качествѣ потерпѣвшаго 29-го августа, при предварительномъ слѣдствіи Шишовъ заявилъ, что подозрѣнія ни на кого не имѣетъ. Большаковъ въ это время жилъ на станціи Сергіево, гдѣ также работалъ поденно на желѣзной дорогѣ. Ирина Шишова, какъ это удостовѣрилъ свидѣтель Косси, въ теченіе этого лѣта нѣсколько разъ къ нему ходила, при чемъ и въ Сергіевѣ были очень распространены слухи объ ихъ связи. 31-го августа Большаковъ отказался отъ службы на ст. Сергіево, продалъ свою кровать и икону дворнику Попову и неизвѣстно куда ушелъ. 13-го сентября, въ 7 час. вечера, его видѣлъ въ Стрѣльнѣ вмѣстѣ съ Ириной Шишовой крестьянинъ Рыжовъ, а 14-го сентября часа въ четыре дня тотъ же Рыжовъ встрѣтилъ его тамъ же возлѣ трактира „Плевна“. 15-го сентября, часовъ въ 8 утра, дворникъ дома Десятовой Анемподистовъ, идя за водой, замѣтилъ, что у Шишовыхъ въ будкѣ дверь и окно заперты; удивившись, что Шишовы такъ долго спятъ, Анемподистовъ постучался къ нимъ и позвалъ Ивана; на стукъ его отозвалась Ирина Шишова и не отворяя двери, отвѣчала ему, что мужъ ея съ первымъ по-

вздомъ уѣхалъ въ Петербургъ; лишь въ 12 часу дня она вышла изъ дому и, зайдя къ своей сосѣдкѣ Пелагеѣ Мюльбахъ, просила послѣднюю дать ей рубль; по показанію Мюльбахъ и ея дочери Маріи, Ирина Шишова была въ это время совершенно спокойна, смѣялась, шутила и вообще не обнаруживала никакого волненія; на разспросы, куда исчезъ ея мужъ, Шишова всемъ объяснила, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ выкупать свое пальто и, вѣроятно, остался тамъ у знакомыхъ. 17-го сентября Шишова поѣхала въ Петербургъ разыскивать мужа и, вернувшись 18-го, сказала, что его нигдѣ не нашла, вслѣдствіе чего, по настоянію дворника Анемподистова, въ тотъ же день отправилась заявить объ исчезновеніи мужа въ полицію. Дня черезъ четыре послѣ этого Ирина Шишова переѣхала жить въ домъ полковника Лукашевича и, когда послѣднимъ былъ найденъ трупъ ея мужа, она, узнавъ отъ Мюльбахъ, что изъ рѣвки вытащили какого-то утопленника, отнеслась къ этому извѣстію такъ же спокойно, какъ и къ самому факту исчезновенія ея мужа. Въ виду всего изложеннаго въ Москвѣ былъ разысканъ и задержанъ крестьянинъ Дмитрій Большаковъ, при чемъ, при осмотрѣ оказавшихся при немъ вещей и платья, въ числѣ послѣдняго были найдены полосатыя брюки, которыя, по предъявленію ихъ Иринѣ Шишовой и племяннику покойнаго Андрею Павлову, были признаны ими за принадлежавшія убитому Шишову. Все вышеизложенное удостовѣрили допрошенные при предварительномъ слѣдствіи свидѣтели: Петръ Никифоровъ, Леонидъ Лукашевичъ, Евгенийъ Бронющецъ-Рецкій, Филиппъ и Аграфена Лебедевы, Магнусъ, Пелагея и Марія Мюльбахъ, Михаилъ Анемподистовъ, Андрей Павловъ, Николай Рожковъ, Степанъ Поповъ, Юганъ Немецъ и Николай Харитоновъ. Изъ приложенныхъ къ дѣлу справокъ о судимости и отношенія Никольскаго волостного правленія отъ 12-го декабря 1896 года видно, что Большаковъ два раза судился у уѣзднаго члена тверекого окружнаго суда по Новоторжекому уѣзду за кражи и оба раза былъ приговоренъ къ тюремному заключенію: въ 1892 году на 8 мѣсяцевъ и 1893 году на 10 мѣсяцевъ, при чемъ оба эти наказанія отбылъ.

Привлеченные къ слѣдствію и допрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ въ убійствѣ Ивана Шишова: 1) Ирина Шишова признала себя виновною и объяснила, что она дѣйствительно состояла въ связи съ Большаковымъ съ лѣта 1895 года; связь

ихъ прекратилась съ отъѣздомъ ея въ деревню и возобновилась лишь въ концѣ августа, когда она какъ-то случайно встрѣтилась съ Большаковымъ въ Стрѣльнѣ на улицѣ; такъ какъ мужъ ея мѣшалъ имъ часто видѣться, то они и рѣшили его убить, но къ рѣшенію этому пришли лишь въ пятницу, 13-го сентября, вечеромъ, когда опять случайно встрѣтились на улицѣ; въ субботу, 14-го сентября, Иванъ Шишовъ, вернувшись вечеромъ домой, выпилъ принесенную съ собою сороковку водки и, охмелѣвъ, сталъ по обыкновенію ругаться съ нею; въ это время, по уговору съ нею, въ квартиру вошелъ Большаковъ и, послѣ того, какъ Шишовъ обругалъ Большакова, послѣдній схватилъ мужа ея за горло и сталъ душить; Шишовъ раза два вскрикнулъ и пытался отбиваться ногами, на она схватила его за ноги и держала ихъ, пока онъ не умеръ. Мертваго Шишова Большаковъ при ея помощи отнесъ къ рѣкѣ и тамъ, подвязавъ къ нему камень, спустилъ его въ воду. Послѣ этого Большаковъ ушелъ, сказавъ ей, что на другой день уѣдетъ въ Москву, куда выпишетъ затѣмъ и ее, и больше она его не видала. Кто напалъ на ея мужа 25-го августа и ограбилъ его, она не знаетъ, и Большаковъ ей ничего объ этомъ не говорилъ. При вторичномъ допросѣ обвиняемой Шишовой, она нѣсколько измѣнила это свое показаніе, объяснивъ, что послѣ убійства ея мужа Большаковъ вернулся къ ней на квартиру, переночевалъ у нея, пробылъ у нея весь слѣдующій день и лишь вечеромъ этого дня ушелъ, но на другой день, 16-го сентября, онъ вернулся къ ней почевать и утромъ 17-го сентября, взявъ съ собою узелъ вещей ея мужа, уѣхалъ въ Петербургъ, сговорившись съ нею встрѣтиться въ Лиговѣ. По уходѣ Большакова, она со слѣдующимъ поѣздомъ тоже поѣхала въ Петербургъ и въ Лиговѣ дѣйствительно встрѣтилась съ нимъ, при чемъ онъ сказалъ ей, что его только-что видѣлъ дорожный мастеръ Русаковъ. Въ тотъ же день Большаковъ уѣхалъ въ Москву, и, проводивъ его на вокзалъ, Ирина Сергѣева отправилась въ Александровскій рынокъ, гдѣ распродала платье мужа, а на другой день вернулась въ Стрѣльну. Допрошенный при предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ свидѣтеля желѣзнодорожный сторожъ Русаковъ удостоавѣрилъ, что онъ дѣйствительно какъ-то въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда именно, не помнить, встрѣтилъ Большакова на ст. Лигово. 2) Дмитрій Большаковъ при первоначальномъ допросѣ его въ качествѣ обвиняемаго и на очной ставкѣ съ Ириной Сергѣ-

ею виновнымъ себя въ этомъ убійствѣ не призналъ, объяснивъ, что еще 9-го сентября онъ уѣхалъ со ст. Сергіево въ Москву и ничего объ обстоятельствахъ смерти Шишова не знаетъ, но затѣмъ, при вторичномъ допросѣ его, сознался въ совершеніи этого убійства и подтвердилъ во всѣхъ существенныхъ частяхъ показаніе Шишовой, разоидясь съ нею лишь въ слѣдующемъ: по его словамъ, связь съ Шишовой продолжалась и лѣтомъ 1896 года, при чемъ въ іюль и августъ этого года Ирина Сергѣева часто къ нему приходила на ст. Сергіево, и приходила прямо къ нему на чердакъ, гдѣ онъ спалъ; все лѣто она къ нему постоянно приставала съ предложеніемъ убить ея мужа, и лишь 13-го сентября они окончательно объ этомъ уговорились. По обдуманному ими сообщенію въ этотъ день плану, Большаковъ на другой день, часа въ два ночи, явился къ Шишовымъ и, проникнувъ въ квартиру ихъ черезъ оставленную Ириной незапертою дверь, онъ сразу напалъ на спавшаго Ивана Антонова и, схвативъ его руками за горло, сталъ его душить. Шишовъ сдѣлалъ лишь одно очень сильное движеніе и упалъ съ кровати на полъ, но онъ, Большаковъ, его не выпустилъ изъ рукъ и продолжалъ душить на полу, пока не убѣдился, что Шишовъ мертвъ.

Присяжные засѣдатели признали обоихъ подсудимыхъ виновными и не дали снисхожденія. На основаніи этого вердикта присяжныхъ окружный судъ приговорилъ обоихъ подсудимыхъ лишити всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы Ирину Шишову безъ срока, а Дмитрія Большакова на 20 лѣтъ.

Каторга безъ срока! Не слишкомъ ли ужъ сурово это наказаніе для Ирины Шишовой? Преступленіе ея тяжкое, что и говорить! но, гг. присяжные, ложитесь спать по обязанности съ ненавистнымъ человѣкомъ, въ то время когда любишь другого, право, это, гг. присяжные, одна изъ позорнѣйшихъ пытокъ!

Суровость наказанія Ирины Шишовой особенно поражаетъ, если припомнить, что сапожникъ Кононовъ, застрѣлившій свою жену за то, что, по подлиннымъ его словамъ, она давно уже ему „опротивѣла“, былъ по приговору присяжныхъ только сосланъ въ мѣста

не столь отдаленныя. Очевидно, присяжные поставили въ большую вину Шишовой, что она въ день совершения убійства, по показаніямъ свидѣтелей, „смѣялась, шутила и вообще не обнаруживала никакого волненія“,—но вѣдь и Кононовъ никакихъ признаковъ раскаянія не проявлялъ и, когда пришелъ городской, то Кононовъ ему сказалъ: „Вотъ, она и готова!“ и, продолжая курить папиросу, прибавилъ: „Э, да она мнѣ давно уже опротивѣла!“ Правда, Кононовъ дѣйствовалъ открыто, но не потому ли онъ такъ и дѣйствовалъ, что надѣялся на снисхожденіе суда?

Изъ приводимаго нами слѣдующаго отчета читатель увидитъ, какъ по однѣмъ косвеннымъ уликамъ судъ присяжныхъ приговорилъ къ десятилѣтней каторгѣ женщину, привлеченную къ отвѣтственности за нанесеніе своему мужу тяжкихъ побоевъ съ двумя другими участниками, къ десятилѣтней каторгѣ.

Судебная хроника „Русск. Вѣд.“ гласитъ:

Совершено было убійство это съ цѣлымъ рядомъ отягчающихъ обстоятельствъ. Прежде всего былъ убитъ мужъ подсудимой Ефимовой; затѣмъ другимъ отягчающимъ обстоятельствомъ была засада, и покойный Ефимовъ совершенно неожиданно подвергся нападенію со стороны подстерегавшихъ его на огородахъ Даниловскаго монастыря братьевъ Бороненковыхъ, Ивана и Василія.

Кто же былъ главнымъ виновникомъ этого убійства? Вопросъ этотъ занималъ всѣхъ во время судебного слѣдствія, преній сторонъ и совѣщанія присяжныхъ засѣдателей. Трудность разрѣшенія этого вопроса происходила оттого, что прямыхъ уликъ по дѣлу нѣтъ, а знаніе обвиненія пришлось возвести на косвенныхъ уликахъ. Мало того, объясненія самихъ подсудимыхъ отличались и на предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ такою сбивчивостью и противорѣчивостью, что они не только лично ничего не выяснили, но еще больше запутывали дѣло.

Съ перваго раза дѣло могло показаться вполне яснымъ:

Ефимова своего мужа не любила, даже ненавидѣла и измѣняла ему на каждомъ шагѣ. Въ послѣднее время она сошлась съ Иваномъ Бороненковымъ и настолько сильно къ нему привязалась, что возымѣла намѣреніе упрочить свои отношенія законнымъ бракомъ. Но этому мѣшала ея мужъ, слѣдовательно, его надо было устранить. Отсюда и убійство при помощи заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ Ивана Бороненкова. Такъ построены и обвинительный актъ, въ которомъ улики собраны для освѣщенія именно этой стороны дѣла. Такъ, между прочимъ, въ обвинительномъ актѣ говорится о томъ, что Ефимова нѣсколько разъ собиралась отравить своего мужа то при помощи азотной кислоты, которую она вливала въ супъ и щи, когда они еще варились, то нюхательнаго табаку, который она примѣшивала къ тѣмъ же кушаньямъ, а разъ даже всыпала въ пиво. Но эти свѣдѣнія идутъ, главнымъ образомъ, отъ матери Бороненковыхъ или съ ея словъ. Это ужъ другая сторона дѣла, мало разработанная судебнымъ матеріаломъ. Если сопоставить эти показанія Бороненковой съ тѣми данными, которыя имѣются о ней, т. е. что она была развратная женщина, что она сама поощряла любовную связь своего 20-лѣтняго сына Ивана съ Ефимовой, которая была на 6 лѣтъ старше его, то невольно возникаетъ сомнѣніе въ справедливости показаній Бороненковой. Не желала ли она сдѣлать Ефимову главною виновницею, а своихъ сыновей лишь жертвою этой коварной женщины, которую ненависть къ мужу натолкнула на такое жестокое дѣло.

Сама Ефимова ни въ чемъ себя виновною не признаетъ и пытается увѣрить судей и присяжныхъ, что она ни въ чемъ не виновата, а въ тотъ вечеръ, 13-го января настоящаго года, она съ мужемъ возвращалась отъ своего родственника Старостина, жившаго на заводѣ Гивартовскаго, къ себѣ домой въ Даниловку. Къ родственнику она пошла прощаться, такъ какъ рѣшилась покориться волѣ мужа и уѣхать въ деревню. Дорога отъ Старостина на Даниловку была двоякая: одна, болѣе длинная, но безопасная, вела по Жуковскому переулку, а другая, болѣе короткая, но за-то сопряженная съ болѣею опасностью, шла по огородамъ Даниловскаго монастыря. Мужъ ея будто бы выбралъ вторую дорогу (Старостинъ, напротивъ, утверждаетъ, что она настаивала на второй дорогѣ), и на огородахъ на нихъ напали злоумышленники. Она напугалась и безъ памяти уѣжала, куда глаза глядятъ. Она прибѣжала къ монастырю и, нѣкоторое время

спустя, вернулась домой, гдѣ нашла мужа сильно избитымъ. Она отвезла его въ больницу, гдѣ онъ и скончался.

Другіе подсудимые, братья Бороненковы, передаютъ дѣло иначе. Впрочемъ, главнымъ рассказчикомъ является только младшій братъ, который всячески выгораживаетъ старшаго своего брата Василя, а послѣдній уже старается гдѣ съ нимъ въ унисонъ. Иванъ Бороненковъ рассказываетъ такъ, что еще наканунѣ онъ былъ вмѣстѣ съ супругами Ефимовыми въ трактирѣ и былъ свидѣтелемъ того, какъ Ефимова всыпала въ стаканъ своего мужа нюхательный табакъ, но онъ притворился ничего невидѣвшимъ. Возвращаясь изъ трактира, онъ слышалъ, какъ Ефимова, шедшая сзади своего мужа, грозилась убить его, но онъ этому не придалъ серьезнаго значенія и смотрѣлъ на всѣ эти угрозы, какъ на шутку. Когда на слѣдующій день онъ встрѣтился съ Ефимовой, послѣдняя просила его прійти вечеромъ къ Старостицу и дала ему 15 коп. на водку. Вечеромъ онъ пришелъ вмѣстѣ съ братомъ туда, но, не найдши никого, пустился въ обратный путь по огородамъ. Брата своего, сильно захмѣлѣвшаго, онъ долженъ былъ оставить на навозной кучѣ, а самъ пошелъ дальше, имѣя въ виду найти извозчика, на которомъ онъ могъ бы отвезти брата домой. Тутъ его настигъ Ефимовъ, который, завидѣвъ его, сказалъ, что его-то онъ и ищетъ, и ударилъ его. Этого онъ не могъ снести и вступилъ въ драку съ Ефимовымъ. Тутъ вмѣшалась въ дѣло жена, которая повалила мужа въ сугробъ снѣга и стала топтать его и бить. Когда Ефимовъ уже лежалъ безъ чувствъ, онъ пошелъ къ брату, который въ это время уже немного протрезвился, и сталъ выражать ему свое недовольство тѣмъ, что онъ вцуталъ его въ это дѣло. Когда онъ успокоилъ старшаго брата, они пошли въ трактиръ, гдѣ выпили чаю и пива, а въ 11-мъ часу вернулись домой. Тамъ они нашли уже Ефимова, который, когда его отравили въ больницу, просилъ у него прощенія.

Другой подсудимый, Василій Бороненковъ, отзывается незнаніемъ и отрицаетъ даже и то, чтобы онъ упрекалъ брата за то, что тотъ вовлекъ его въ исторію. Онъ ничего не видѣлъ, потому что спалъ, а когда проснулся, видѣлъ, что саженьхъ въ 17 отъ него народъ „метулится“, но какой народъ, и сколько его было, и что они дѣлали,—онъ не знаетъ.

Показаніями свидѣтелей выяснилось, что Ефимова ненавидѣла своего мужа и открыто жила съ разными лицами. Мужъ, зная

все это, не придавалъ, однако, этому никакого значенія. Онъ хотѣлъ было отправить жену въ деревню, чтобы тѣмъ положить конецъ ея развратному поведенію, но жена ни за что не соглашалась, а, напротивъ, домогалась *отдѣльнаго вида на жительство*. И вдругъ она выразила согласіе отправиться въ деревню. Это всѣхъ поразило, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что она всячески уклонялась отъ отъѣзда въ деревню. Когда, ночью, Ефимовъ пришелся избитымъ и окровавленнымъ, онъ даже говорить не могъ и просилъ только дать ему передохнуть, и тогда только онъ назоветъ тѣхъ, которые его били. Черезъ полчаса послѣ этого пришли братья Бороненковы и, узнавъ, что Ефимовъ вернулся домой безъ жены, избитый до смерти, они даже не подошли къ нему и легли спать. Вскорѣ затѣмъ пришла и жена его. Сначала она не повѣрила, что ея мужа могли избить. „Да кто станетъ бить такого головастика“,—замѣтила она. Но скоро она измѣнила свое отношеніе къ избіенію мужа и заявила, что на нихъ напали грабители, которые стали бить ея мужа, а она спасалась отъ нихъ. Поведеніе ея за все это время было крайне страннымъ. Она пришла домой веселая, точно со свадьбы. Когда ей сказали, что мужа избili до смерти, она тотчасъ же стала спрашивать его, гдѣ деньги, и начала шарить въ сундукѣ, отыскивая ихъ. Получивъ извѣстіе о смерти мужа, она не только не горевала объ этомъ, но даже отказалась принять какое бы то ни было участіе въ похоронахъ. (Но, быть можетъ, у нея, какъ у бѣдной работницы, и дѣйствительно не было денегъ для похоронъ)? Мало того, жена даже отказалась сшить саванъ для своего мужа.

Присяжные засѣдатели признали Ефимову и Бороненковыхъ виновными въ нанесеніи Алексѣю Ефимову тяжкихъ побоевъ, отъ которыхъ онъ умеръ, причемъ Василию Бороненкову дано снисхожденіе. На основаніи этого вердикта судъ постановилъ: лишивъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ каторжные работы: Ефимову на 10 лѣтъ, Ивана Бороненкова на 6 лѣтъ и Василія на 4 года.

Остается только удивляться, какъ присяжные засѣдатели при всей ихъ предусмотрительности и осторожности, когда они произносятъ приговоръ женоубійцѣ, при ихъ бьющемъ въ глаза желаніи оправ-

дать во чтобы то ни стало подсудимыхъ такого рода, съ какимъ легкимъ сердцемъ эти же самые гг. присяжные, совершенно не вникнувъ въ обстоятельства дѣла, готовы упечь въ каторгу женщину, которая, по ихъ мнѣнію, часто совершенно ошибочному, посягнула на жизнь своего мужа.

Сейчасъ мы увидимъ, какъ, благодаря заступничеству добрыхъ людей, одна бѣдная женщина избѣгла совершенно незаслуженной десятилѣтней каторги, къ которой ее присудили гг. присяжные, эти, по словамъ г. Джаншѣева, „выразители началъ правды, равенства и человѣколюбія на судѣ!“

Изъ корреспонденціи „Волжск. Вѣстника“ мы узнаемъ слѣдующее:

28 мая въ судебной палатѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянки Уфимской губ., Вирскаго уѣзда, д. Карякиной, Елены Захаровой Ганцевой въ отравленіи своего мужа Василія Ганцева, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ. Ганцевы вступили въ бракъ по своему желанію. Но жили они, по словамъ свидѣтелей, родственниковъ покойнаго мужа, не совсѣмъ въ ладахъ. Она пренебрежительно относилась къ мужу. Мужъ же былъ очень кроткій, добродушный человѣкъ, и когда до него доходили слухи, что у его жены водится дружокъ, съ которымъ она еще была знакома до свадьбы, онъ не придавалъ имъ ни малѣйшаго значенія. Однажды, послѣ масленицы, Ганцевъ отправился въ гости съ женой къ ея родителямъ. Возвратившись оттуда, онъ сталъ жаловаться на головную боль и боль въ желудкѣ. Послѣ слѣдующей поѣздки туда же въ Вербное воскресенье онъ почувствовалъ то же самое, и, кромѣ того, у него явилась рвота. Наконецъ, въ субботу на пасхальной недѣлѣ онъ позавтракалъ ватрушками, которыхъ было напечено его родственниками около 40 штукъ, и собрался на мельницу за 10 верстъ отъ деревни. Сестра Василія, Ѳедора, хотѣла дать брату нѣсколько ватрушекъ съ собою на мельницу, но жена сама захотѣла завернуть эти ватрушки, вышла въ другое помѣщеніе, принесла ихъ завернутыми въ простынѣ, въ которую по обычаю завертывались съѣстные

припасы въ дорогу, и отдала мужу. Во время его отсутствія жена все время проявляла безпокойство. По возвращеніи съ мельницы Ганцевъ почувствовалъ себя очень скверно и во вторникъ на Өоминой недѣлѣ умеръ. Послѣ его смерти пошла молва, что смерть Василя неестественная. При вскрытіи трупа и при судебно-химическомъ изслѣдованіи оказались всѣ признаки отравленія мышьякомъ. Елена попала на скамью подсудимыхъ и была приговорена уфимскимъ окружнымъ судомъ къ десятилѣтней каторгѣ. Не признавая себя виновною, Ганцева, въ апелляціонной жалобѣ въ судебную палату, главнымъ образомъ указала на то, что жила она съ мужемъ хорошо. Что же касается до того, что она сама захотѣла завернуть въ дорогу мужу ватрушки, то она этимъ исполнила только свою обязанность. Ватрушками онъ и не могъ отравиться, такъ какъ онѣ были испечены его родственниками, ихъ всѣ ѣли. Взятая въ дорогу ватрушки вряд ли ѣлъ, такъ какъ уѣхалъ на мельницу сейчасъ послѣ завтрака и на разстояніи 10 верстъ не могъ проголодаться. На мельницѣ онъ только пилъ, и, можетъ быть, случайно ему въ питьѣ могъ попасть ядъ. Въ заключеніе Ганцева ходатайствовала объ оправданіи. Прокуроръ палаты въ своемъ заключительномъ словѣ произнесъ блестящую защитительную рѣчь, къ которой защитникамъ оставалось только всецѣло присоединиться. Онъ находилъ основательными главные доводы апелляціи и, указавъ въ то же время на промахи при слѣдствіи, далъ заключеніе объ отмѣнѣ приговора.

Судебная палата приговоръ уфимскаго окружнаго суда отмѣнила, оправдавъ Ганцеву.

Если у Ганцевой есть дѣти, какъ они должны благодарить тѣхъ добрыхъ людей, что помѣшали присяжнымъ отнять у нихъ мать!...

Въ „Юридической газетѣ“ 96 г., № 56, мы читаемъ:

Утромъ, 22-го іюля 1895 г., въ деревнѣ Эзенде-Касы, Чебоксарскаго уѣзда, разыгралось слѣдующее происшествіе. Проживавшая въ этомъ селеніи семья мелочного торговца Антонова, не дождавшись пробужденія его, отправилась будить его въ клѣтѣ, куда онъ съ вечера легъ спать съ молодою, только что вышедшею за

него замужъ, женой (ей всего 20 лѣтъ). Но вошедшимъ въ клѣтъ представилась такая картина: Антоновъ лежалъ съ разбитою головой въ лужѣ крови, мертвый; возлѣ него на полу валялись въ безпорядкѣ разныя вещи; нѣкоторыхъ вещей, принадлежавшихъ покойному, вовсе не было, между прочимъ не было и шкапулки съ деньгами. Молодая жена покойнаго рассказывала при этомъ, что она ушла отъ мужа изъ клѣты на дворъ, когда онъ заснулъ, и спала на крыльцѣ. Первоначально въ виду всего этого возникло предположеніе, что убить былъ Антоновъ какимъ-нибудь злоумышленникомъ съ цѣлью грабежа. Но вскорѣ и шкапулка съ деньгами, и вещи всѣ были найдены спрятанными за клѣтью на огородѣ. Присутствовавшая при этомъ жена Антонова смугилась и вдругъ заявила, что это она убила мужа. На разпросы о причинахъ, побудившихъ ее совершить это убійство, она давала такіе неопредѣленные и странные отвѣты, что возникло сомнѣніе въ нормальности душевнаго ея состоянія.

— Можетъ быть, тебя неволили, отдавая за него замужъ?— спрашивали ее.

— Нѣтъ, я по любви, по доброй волѣ пошла за него,—объяснила она и добавила:

— И сама не знаю, зачѣмъ убила и за что...— говорила она.— Въ ту же ночь, какъ полежали вмѣстѣ на постели, возненавидѣла его и, когда онъ заснулъ, порѣшила его топоромъ... У меня голова болитъ...

Въ виду того, что и сестра Антоновой, ранѣе ея вышедшая замужъ, также возненавидѣла, какъ выяснилось изъ рассказовъ сосѣдей, своего мужа послѣ первой же брачной ночи, производившіе слѣдствіе по настоящему дѣлу помѣстили молодую мужеубійцу въ психіатрическую лѣчебницу на испытаніе. Въ результатъ этого испытанія явилось опредѣленіе суда, что Антонова совершила описанное преступленіе, „вѣроятно, въ припадкѣ душевнаго расстройства въ формѣ психическаго эквивалента эпилепсії (epilepsia larvata)“. Находясь въ психіатрической лѣчебницѣ, Антонова, по удостовѣренію наблюдавшихъ за нею врачей, часто впадала въ такую глубокую задумчивость, что не признавала окружающаго и не узнавала знакомыхъ; въ такихъ случаяхъ глаза ея даже не реагировали на свѣтъ.

На-дняхъ окружный судъ разсмотрѣлъ возбужденное по этому поводу противъ Антоновой дѣло при участіи присяжныхъ засѣдателей.

Присяжные заседатели, — по словамъ „Каз. Тел.“ — признали юную мужеубійцу Антонову виновною въ убійствѣ, а окружный судъ, на основаніи этого обвинительнаго вердикта, приговорилъ Антонову къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ и къ ссылке въ каторжныя работы на 6 лѣтъ.

Для Антоновой, конечно, безразлично, къ сколькимъ бы годамъ каторги ее ни присудили, ей уже изъ Сибири не возвратиться и родины своей не увидеть, вѣрнѣе всего, что она погибнетъ еще въ пути, но приговаривать къ каторгѣ женщину, страдающую душевнымъ расстройствомъ, признанную врачами-экспертами ненормальною, это, какъ хотите, совѣмъ не вяжется съ началами „правды и человеколюбія“, и такія дѣянія присяжныхъ отнюдь не могутъ имѣть „облагораживающаго вліянія на народную нравственность“.

Что ожидаетъ Антонову не только на каторгѣ, но еще по пути къ ней, можно легко предвидѣть, судя по вышеупомянутому разсказу Мельшина, обрисовывающему мрачными красками положеніе идущихъ на каторгу ссыльныхъ женщинъ. Помимо обычныхъ связанныхъ съ этимъ путешествіемъ невзгодъ и лишеній, несчастная, не могшая вынести прикосновенія мужчины, за котораго вышла замужъ по любви, должна будетъ подвергаться оскорбительному обращенію товарищей по несчастью, конвойныхъ солдатъ, а, быть можетъ, и своего начальства. Пусть читатель вспомнитъ резолюціи суда по дѣлу Романченко, Смирнова и др. женоубійць, и онъ будетъ пораженъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ присяжныхъ къ подсудимой Антоновой, съ одной стороны, и ихъ желаніемъ во что бы то ни стало затянуть дѣло, чтобы дать возможность избѣгнуть законной кары такимъ пьянымъ самодурамъ, какъ Романченко, Смирновъ и имъ подобные, —

съ другой. А г. Джаншіевъ увѣряетъ, что у присяжныхъ нѣтъ предвзятыхъ предубѣжденій противъ подсудимыхъ.

Да чѣмъ же, какъ не предвзятымъ предубѣжденіемъ противъ подсудимой Маріи Марійко, дѣло о которой мы приводимъ ниже, можно себѣ объяснить, что по приговору присяжныхъ была осуждена на двѣнадцатилѣтнюю каторгу женщина, по словамъ свидѣтелей, „простая, добрая, хорошая помощница мужа“ и совершенно непричастная къ убійству. Но предоставимъ судить самому читателю, приведя здѣсь же отчетъ объ этомъ дѣлѣ:

30-го апрѣля 1893 г. отдѣленіемъ екатеринославскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянки с. Обуховки Ново-Московскаго уѣзда Маріи Амвросіевой Марійко, 28 л., и Марка Леонтьева Геза, 40 лѣтъ, въ убійствѣ. Подсудимую Марію Марійко защищаль секретарь уѣзднаго съѣзда Масленниковъ. Сущность обвинительнаго акта заключается въ слѣдующемъ.

Въ ночь съ 10 на 11 августа 1892 г. около полуночи работникъ сузруговъ Исаака и Маріи Марійко, Митрофанъ Дененко, былъ разбуженъ какимъ-то крикомъ (не былъ ли это крикъ ужаса разбуженной выстрѣломъ Маріи Марійко?). Дененко спалъ на дворѣ около сѣней, дверь которыхъ по случаю жары была открыта, гдѣ спали его хозяева. Оттуда до него явственно доносилось, что кто-то хрипитъ. Затѣмъ изъ тѣхъ же сѣней кто-то выскочилъ въ бѣлой рубахѣ и черныхъ штанахъ, по росту похожій на крестьянина Марка Геза, и быстро скрылся со двора Марійко. Нѣсколько времени спустя (не вѣрнѣ ли, что сряду) выбѣжала оттуда Марія Марійко, крича: „ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ“ и, увидавъ Дененко, послала его позвать сосѣдку Праксковию Дубникову, объяснивъ, что мужъ умираетъ. На зовъ ея явилась Дубникова, съ другою сосѣдкой Шрамковой. Когда объ сосѣдки вошли въ сѣни, то Шрамкова, освѣтивъ сѣни лампой, нашла Исаака Марійко уже мертвымъ и прикрытымъ рядомъ. Открывъ рядно, она увидѣла, что рубаха на Исаакѣ Марійко

ниже груди окровавлена, а, поднявъ рубаху — рану и изъ нея вывалившуюся часть сальника. Между постелью и выходною дверью сѣней замѣтны были три небольшихъ лужи крови.

Марія Марійко рыдала надъ трупомъ мужа и высказывала о немъ сожалѣніе, но ничего не говорила, отчего онъ умеръ. Въ убійствѣ были заподозрѣны жена убитаго, Марія Марійко, и ея любовникъ, Маркъ Гезъ. На другой день послѣ ареста Марія Марійко созналась, что она 4 года тому назадъ вступила въ любовную связь съ Маркомъ Гезомъ. Связь сначала стала замѣтна для постороннихъ, а потомъ и для мужа, который началъ ссориться и драться, слѣдя за каждымъ ея шагомъ. Гезъ, видя, что мужъ является помѣхой ихъ связи, уговаривалъ ее убить мужа. 10-го августа онъ, встрѣтивъ ее на улицѣ, показалъ пистолетъ и сказалъ, что въ эту же ночь придетъ убить ея мужа соннаго. Возвратившись домой, она ничего не сказала мужу.

Вечеромъ, поужинавъ съ мужемъ и работникомъ, они легли спать: она съ мужемъ въ сѣняхъ, а работникъ на дворѣ, — у дверей сѣней. Заснула она очень скоро, но около полуночи была разбужена Гезомъ, который, вынувъ на ея глазахъ пистолетъ, открылъ рядно, которымъ былъ прикрытъ ея мужъ, и, приложивъ дуло пистолета къ его животу, выстрѣдилъ, она же руками придавила мужу горло и ротъ, чтобы предупредить его крики. Но мужъ вздрогнулъ и, умирая, захрипѣлъ; Гезъ же со словами, „теперь съ него достаточно“ — убѣжалъ. Одѣтъ онъ былъ при совершеніи убійства въ бѣлую рубаху, съ вышитымъ воротомъ черные штаны, а на головѣ имѣлъ сѣрую, облѣзлую смушковую шапку. Это сознаніе Маріи Марійко подтвердили при слѣдствіи: Митрофанъ Дененко, Серафима Шрамкова и Прасковья Дубникова. Черезъ свидѣтелей же Митрофана Марійко, Ѳедора Колло, Дмитрія Ѳоменко, Харитины Тороповой и Михаила Петренко слѣдствіемъ установлено, что покойный Исаакъ Марійко былъ женатъ около 10 лѣтъ и жену свою любилъ. Въ послѣднее время ходили слухи о любовной связи Маріи Марійко съ Маркомъ Гезомъ, но что *покойный мужъ ничего не имѣлъ противъ этой связи*. Онъ только требовалъ, чтобы любовники ея не ходили къ нему въ домъ, желая этимъ скрыть свой позоръ. Изъ-за этого онъ ссорился съ женой и враждовалъ съ Маркомъ Гезомъ. М. Гезъ неоднократно сознавался въ любовной связи съ М. Марійко кумъ своей Харитинѣ, и двоюродному брату Михаилу Петренко. На праздникъ св. Троицы 92 г. онъ поручилъ

своей кумѣ склонить М. Марійко на убійство мужа, чтобы потомъ жить съ нею. Петренку же за мѣсяць до убійства Гезъ хвалился, что за пропажу шестидесяти рублей въ домѣ Марійко онъ отблагодаритъ Исаака такъ, что изъ него только брызги полетятъ: „я его изъ ружья усажу (застрѣлю)“.

Что это за пропажъ 60 р.? Не были ли они взяты Исаакомъ за то, что *онъ ничего не имѣлъ противъ* связи своей жены съ Гезомъ? Ужъ не торговалъ ли старый скряга своею молодою женой? Жаль, что въ корреспонденціи объ этой пропажѣ упоминается только векользь, вопросъ этотъ и слѣдствіемъ, повидимому, мало разработанъ, а, быть можетъ, это пролило бы со-всѣмъ иной свѣтъ на убійство Исаака!

Изъ медицинскаго вскрытія Исаака Марійко выяснилось, что смерть послѣдовала отъ огнестрѣльной рапы въ животъ, вызвавшей сильныя, какъ наружныя, такъ и внутреннія, изліянія. Рана произведена выстрѣломъ изъ пистолета, заряженнаго крупною дробью, которая, пробивъ на два вершка выше пупка покровы живота, сальникъ, лѣвую часть печени и лѣвую часть легкаго, засѣла въ трупъ; 4 крупины дробины извлечены были изъ трупа. На днѣ раны живота найденъ былъ пыжъ изъ трехъ кусочковъ ситца желтыми крапинками и кусочекъ такого ситца у постели Марійко; 14 августа при обыскѣ у М. Геза въ домѣ найдено было 15 штукъ крупной дроби, по вѣсу и величинѣ одинаковой съ вынутою изъ трупа Исаака Марійко, и два куска ситцу одинаковаго рисунка съ ситцемъ, изъ котораго былъ сдѣланъ пыжъ. Найдена также сѣрая смушковая шапка и три куска черной, не совсѣмъ обгорѣвшей матеріи. Ранѣе, одиннадцатаго, во дворѣ Геза обнаружена была мокрая бѣлая рубаха съ вышитымъ воротникомъ, на передней части которой оказалось нѣсколько буровато-желтыхъ пятенъ, похожихъ на кровь.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ М. Гезъ и Марія Марійко (?) и были преданы суду, обвиняясь въ лишеніи жизни Исаака Марійко, но по предварительному между собою уговору. Подсудимые на вопросъ о виновности оба признали себя виновными. Вступивъ въ связь съ Гезомъ, она подпала подъ его вліяніе.

Гезъ оказался крутого нрава, злой, что задумаетъ, то и сдѣлаетъ, почему она и боялась его. Онъ подговаривалъ убить мужа, но она не соглашалась. Въ день убійства она работала съ мужемъ на току, обмолачивая хлѣбъ каткомъ. Отъ усталости она скоро заснула. Ночью разбужена была звукомъ, похожимъ на трескъ арбуза, упавшаго съ чердака, и услышала хрипѣнье мужа. Бросившись къ нему, тутъ только замѣтила Геза, который крикнулъ ей: „молчи, а то я тебя убью“—и убѣжалъ. Видя, что мужъ ей не отвѣчаетъ, она и сама съ крикомъ бросилась на дворъ и послала работницу позвать сосѣдей. Не сознавалась (въ чемъ?) и не указывала на Геза потому, что боялась его.

Показанія остальныхъ свидѣтелей касались исключительно характеристики подсудимыхъ, ихъ жизни, отношеній къ окружающей крестьянской средѣ. Эти показанія обрисовываютъ Марію Марійко женщиной простою, доброю, хорошею помощницей мужа, но нѣсколько слабою какъ женщина. Изъ этихъ показаній выяснилось, что она имѣла уже нѣсколько любовниковъ. Изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей Гезъ представляется человѣкомъ злымъ, мстительнымъ, способнымъ совершить все (!!!). Въ деревнѣ онъ слылъ за Донъ-Жуана, хваставшаго своими побѣдами надъ женщинами. Экспертъ, врачъ Барановъ принялъ рану Исаака Марійко безусловно смертельною. Жизнь могла продолжиться только нѣсколько минутъ въ агоніи. *Душила ли Марійко мужа, выяснить нельзя, такъ какъ вскрытія черепа произведено не было, изъ котораго можно бы было установить приливы крови къ мозгу.* Товарищъ прокурора Рудицинъ въ своей обвинительной рѣчи, сгруппировавъ факты, уличающіе подсудимыхъ (?) въ убійствѣ, настаивалъ на полномъ обвиненіи какъ Геза, такъ и Марійко, высказавъ при этомъ полное недовѣріе къ показанію, данному на судѣ Маріей Марійко, такъ какъ она, по словамъ прокурора, плодъ тюремнаго вліянія. Защитникъ подсудимой Масленниковъ въ довольно пространной рѣчи указывалъ на несостоятельность фактическихъ данныхъ въ дѣлѣ противъ М. Марійко, между прочимъ высказалъ, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ: „Если въ чемъ и можно обвинять Марію Марійко, то только за тѣ прегрѣшенія, за которыя она здѣсь не судится. Христосъ сказалъ блудницѣ: „Иди и не грѣши“. Каковъ отвѣтъ подскажетъ вамъ совѣсть по этому темному запутанному дѣлу—Марійко ждетъ его съ біеніемъ сердца, не какъ преступница, а какъ жертва случайныхъ фактовъ, свидѣтельница чужого преступленія“.

Присяжные засѣдатели вынесли обоимъ подсудимымъ обвинительный приговоръ, давъ снисхожденіе Маріи Марійко (какіе они, право, добрые, эти гг. присяжные, дали снисхожденіе совсѣмъ ни въ чемъ неповинной женщинѣ), и судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ Геза на 15, а Марійко на 12 лѣтъ.

Спрашивается, на основаніи какихъ уликъ и какихъ данныхъ присяжные признали Марію Марійко виновною въ убійствѣ мужа? Правда, корреспондентъ часто спрягаетъ глаголъ „сознаваться“, но, читая отчетъ, рѣшительно не видишь, чтобы Маріи было бы въ чемъ сознаваться. Положимъ, она слышала, какъ Гезъ грозился убить Исаака, но врядъ ли она придавала особенное значеніе этимъ угрозамъ. Гезъ былъ не воръ и не разбойникъ, а мало ли что говоритъ въ порывѣ раздраженія вспыльчивый человѣкъ; она считала, быть можетъ, совершенно лишнимъ изъ-за этихъ его словъ поднимать тревогу и пугать мужа.

Разсчитывалъ ли Гезъ на содѣйствіе Маріи тогда, когда пришелъ убить спящаго Марійко? Конечно, не разсчитывалъ, иначе бы онъ, застрѣливъ Исаака, не выбѣжалъ стремглавъ изъ его хаты.

Если бы Марія знала, что Гезъ придетъ въ эту ночь убить ее мужа, и хотѣла бы ему въ этомъ помочь, то неужели она могла бы заснуть? А что она спала, когда пришелъ Гезъ, объ этомъ свидѣтельствуется ея крикъ, слышанный спавшимъ у порога сѣней ея работникомъ Митрофаномъ Дененко. Правда, въ корреспонденціи сказано: „какой-то крикъ“, но вѣдь Исаакъ не успѣлъ вскрикнуть, такъ какъ, по заключенію врачей-экспертовъ, изъ соннаго состоянія перешелъ прямо въ агонію и могъ только хрипѣть.

Если бы она ожидала въ эту ночь Геза и хотѣла быть

сообщницей его преступленія, то постаралась бы от-
править спать своего работника куда-нибудь подальше
отъ порога сѣней, въ которыхъ спала съ своимъ му-
жемъ, а она даже и дверь изъ сѣней во дворъ, гдѣ
спалъ работникъ, не притворила.

Если бы она сочувствовала убійству, то дала бы хоть
время Гезу скрыться куда-нибудь подальше, помогла
бы ему скрыть слѣды его преступленія, а она, едва
только онъ выбѣжалъ, едва сама сообразила, что кру-
гомъ нея творится, какъ начала кричать и созывать
сосѣдей; она была такъ огорчена и растеряна, что
даже кровь на полу не подтерла, и сосѣдки, войдя,
увидали „три небольшихъ лужи крови“ (замѣтите, не
пятна, а лужи). Бѣдняжка, она горько оплакивала
своего стараго мужа и, въ порывѣ жалости и самоби-
чеванья, считала себя косвенною причиною убійства
Исаака. Она даже будто бы говорила на допросѣ, что
придавила мужу горло и ротъ, чтобы предупредить
его крикъ, но движеніе это, по всей вѣроятности, было
чисто инстинктивное, и это еще не значило „душить“.

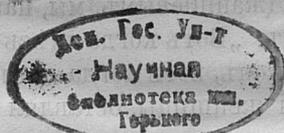
„Душила ли Марія Марійко мужа, выяснить нельзя“,
читаемъ мы въ отчетѣ врача-эксперта, „такъ какъ
вскрытія черепа произведено не было, изъ котораго
можно было установить приливы крови къ мозгу“. Кромѣ
того, по опредѣленію врача-эксперта, „рана
Исаака была безусловно смертельна, и жизнь могла
продлиться только нѣсколько минутъ въ агоніи“.

Такъ въ чемъ же виновата Марія Марійко, эта,
по справедливымъ словамъ защитника, „свидѣтельница
чужого преступленія“? Зачѣмъ пристегнули ее къ
этому убійству? За что сослали на двѣнадцатилѣтнюю
каторгу? Съ какимъ горькимъ сознаніемъ человѣче-
ской злобы и несправедливости пошла въ Сибирь мо-

лодая женщина, невинная жертва бессмысленной жестокости наших патентованных выразителей „началь правды и человеколюбія“? Читая такіе отчеты о судѣ присяжныхъ, совершенно отказываешься вѣрить, что къ этому суду можно относиться „съ почитаніемъ, близкимъ къ благоговѣнію“, какъ умиленно вѣщаетъ г. Джаншіевъ, и поневолѣ соглашаешься съ прокуроромъ петерб. суд. палаты г. Дейтрихомъ, который считаетъ, что изъ сотенъ тысячъ, осужденныхъ присяжными, по крайней мѣрѣ половина осужденныхъ невинны. Большинство между этими невинно-осужденными, конечно, составляли бы женщины, если бы онѣ не являли собою только одной восьмой всѣхъ привлеченныхъ къ отвѣтственности по дѣламъ уголовнымъ, какъ это доказано статистикой. Въ силу всего этого, когда вводится въ одной изъ мѣстностей нашего обширнаго отечества судъ присяжныхъ, мы не ощущаемъ при этомъ безотчетнаго восторга, который овладѣваетъ тогда г. Джаншіевымъ, мы, напротивъ, съ грустью помышляемъ: „Вотъ когда здѣсь начнется безнаказанное избіеніе женъ, вотъ когда потянутся отсюда на каторгу невинныя женщины, оставляя за собою дѣтей-сиротъ“.

Подводя итогъ всему сказанному, мы рѣшительно недоумѣваемъ, откуда это г. Джаншіевъ взялъ, что „у присяжныхъ нѣтъ предвзятыхъ предубѣжденій противъ подсудимыхъ“, что „изъ года въ годъ присяжные къ женщинамъ снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ“, и можно ли утверждать наконецъ, что въ обсуждаемыхъ нами границахъ его дѣятельности судъ присяжныхъ „служить проводникомъ началь правды, равенства и человеколюбія?“ Тутъ ужъ не „устарѣлое законодательство подвергаетъ невыносимой пыткѣ совѣсть присяжныхъ“, какъ выражается г. Джаншіевъ,

а, наоборот, гг. присяжные, мня себя законодателями, подвергают безсовѣстной ломкѣ мудрое и гуманное современное русское законодательство, наказующее убійство жены *наравнѣ* съ убійствомъ мужа строже обыкновеннаго убійства, и, вѣрныя завѣтамъ добраго, или скорѣе жестокаго, стараго времени, когда мужеубійца зарывали живыми въ землю, немилосердно казнять женщину и оправдываютъ мужчину. Намъ, быть можетъ, возразятъ, что нельзя строить положеній на небольшомъ числѣ фактовъ (къ слову сказать, это любимое возраженіе поклонниковъ суда присяжныхъ, сколько бы имъ ни приводили доказательствъ неправильности его рѣшеній), но пускай же эти влюбленные въ присяжныхъ господа докажутъ намъ въ свою очередь, что приводимые нами примѣры—только единичные случаи, а не извлеченія изъ общаго правила, и тяжелое бремя скатится съ нашей души.

[2=]

